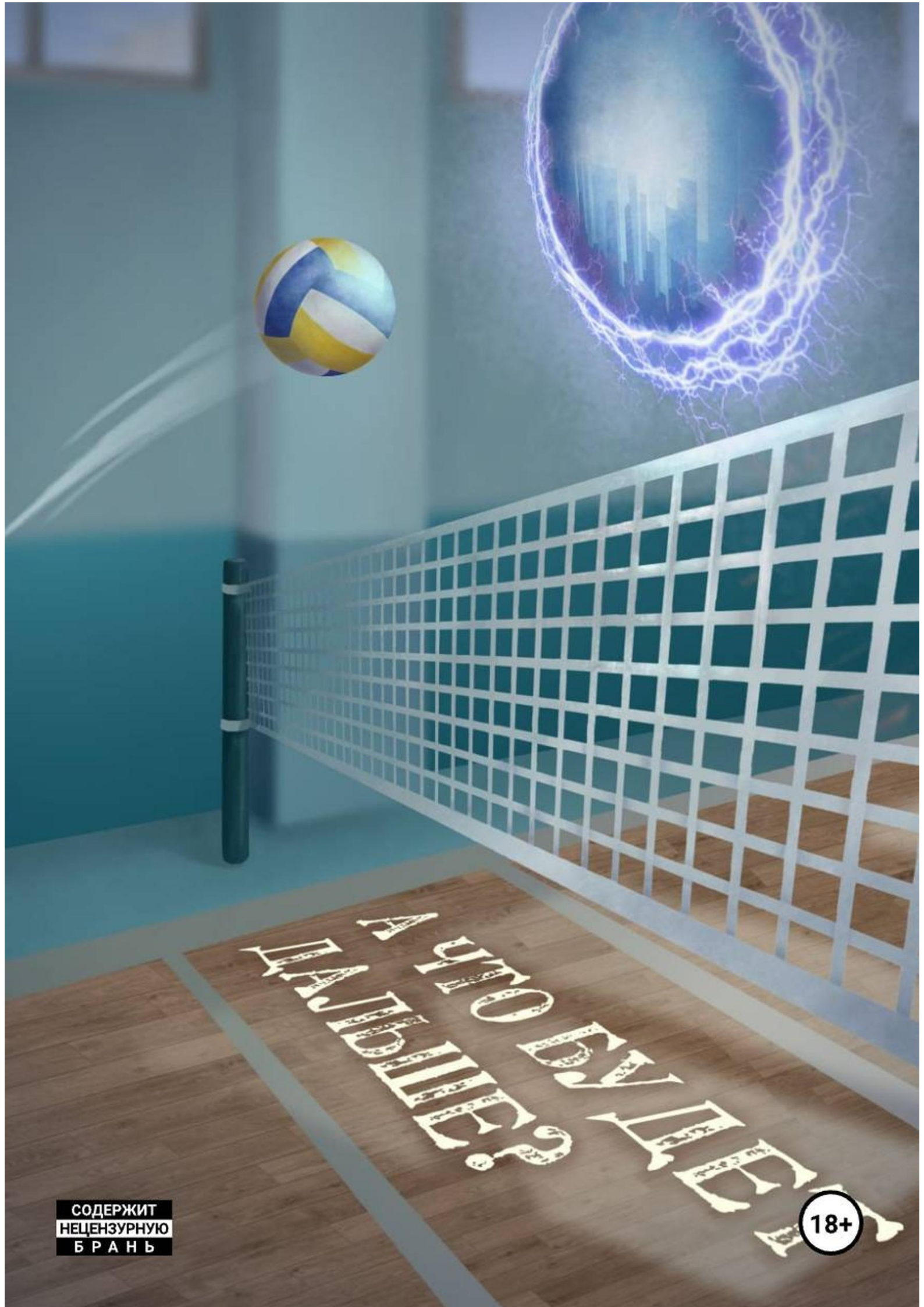

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

pivo12 pivo

А что будет дальше?

«Автор»

2026

pivo p.

А что будет дальше? / p. pivo — «Автор», 2026

Попаданец в мир "MLP: Девушки из Эквестрии". Только ЛЮДИ, а не пони. Человек оказался в неизвестном для него мире. Никакого геройствования, древнего зла и спасения миллионов жизней - обычная повседневная жизнь, пускай и в необычайно цветном мире: учеба, волейбол, романтика, бытовуха и друзья. Казалось бы, чего ещё желать? Но любопытство - странная штука. Иногда именно оно меняет жизнь сильнее любой судьбы. Примечание: Повседневность с медленным, местами **ОЧЕНЬ** медленным темпом и тягучим, не спешадвигающимся сюжетом. Спорт входит в комплектацию одним из важных аспектов, ровно как и взаимодействие постоянного попадающего в различные ситуации героя с его командой. И как же мы можем обойтись без контакта с главными героинями сериала? Тем более когда будет постепенное развитие романтических линий с двумя девушками, а однажды кто-то из них незаметно переступит тонкую грань между крепкой дружбой и чувствами.

© pivo p., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 — Зачисление в университет Кантерлота	24
Конец ознакомительного фрагмента.	45

pivo12 pivo

А что будет дальше?

Пролог

Любопытство — странная штука. Очень.

Настолько странная, что иногда кажется куда более необъяснимой, чем *портал*, взявшийся неведь откуда и представляющий собой ужас насильного скрещивания овального зеркала с разломом в самой реальности. Именно в него меня сейчас назойливо тянуло заглянуть. К счастью, лишь морально, иначе бы... ну, не важно.

Обычный интерес к новому, любознательность заставляет человека разбирать механизмы или, например, часы, вопреки тому, что обратно собрать без нескольких часов ругани и поисками то лишних, то внезапно недостающих деталей, не представляется возможным. Из-за любопытства люди, надрываясь, лезут на горы, прыгают с парашюта и совершают десятки других сомнительных поступков, оправдывая себя одной банальной, но, как бы это странно не звучало, интересной мыслью: «*Почему бы и не попробовать?*»

В моём же варианте лаконичнее: «А чего бы и нет?»

Наверное, некоторые особенно отличившиеся персоны оправдывают этим поступление в медицинский, зная, что добровольно подписывают приговор как минимум на шесть лет бессонных ночей.

А где-то внизу договора, мелким шрифтом, пропущенными опечатками и юридической игрой формулировками приписано «После окончания университета оно не не закончится. Выживут сильнейшие — удача!»

Знал ли я об этом? Не особо. Догадывался? Вполне. Остановился ли я, слыша слова других? Конечно же нет — тогда бы самолично принес бы заявку об отчислении, ещё поблагодарив администрацию за предоставленную возможность сойти с дистанции.

Мне было интересно, во что всё выльется.

В каком-то смысле, именно череда выборов привела меня к тому, что я сейчас стою перед порталом, вместо того, чтобы благоразумно развернуться и уйти восвояси, списав увиденное на идиопатическую галлюцинацию в единичном экземпляре.

С другой стороны... если очень хочется сделать глупость, то, как говорится, один раз...

...нет, так вообще не говорится — особенно, когда собираешься добровольно шагнуть в неизвестное.

Я машинально прикрыл глаза рукой от неожиданно яркого солнца, слегка прошипел и отпрянул от удивления.

Ну конечно же, почему бы неизвестному проходу в другой мир не работать ещё и как окно? Звукоизолирующее, между прочим — проезжающая внутри машина оказалась безмолвна.

Ну да, конечно же, в новом мире, где *классические цвета волос*, кажется, занесли в *Красную книгу*, местное светило обязано светить так ярко. Иначе сказка была бы неполной, да...

Мне лишь оставалось прекратить пялиться с разинутым ртом и сделать окончательный выбор.

Но обо всём по порядку

— Следующий!

Я машинально сделал шаг вперед, как и еще несколько парней.

В небольшой каморке в самом начале коридора спортивного зала несколько школьников окружили парту, вокруг которой сидел физрук, которая лениво вписывала Ф.И.О в журнал.

Я был последним лишь по той причине, что сосед по парте предложил втихаря своровать две сосиски в тесте, пряча его между бесплатным хлебом. Шалость удалась, а о ней напоминали не до конца высохшее лицо и руки, умытые от жира в туалете.

Физруком... или физручкой? В общем, учительницей была молодая женщина со свистком на шее — как в фильмах! Явно недавно закончила свое что-то там — плевать.

— Так, фами... — она осеклась, подняв взгляд. — Стоп, Сидоров, ты чего тут забыл?

— Справку заранее принес, чтобы не ходить на физру, — он положил ее на стол.

Вот бы вы подольше поспорили, тогда и на урок опоздать можно — тем более скучнейшая история, на которой в телеф...

Я прикрыл рот, скрывая зевок.

— Надо было тебе ее именно сейчас принести... Чего стоишь? Кыш отсюда, — она отмахнулась от него, бубня что-то неразборчивое под нос.

И тут, как назло, гигантская змея очереди начала иссякать с поразительной скоростью. Закон подлости не иначе.

Эх, а зарядное, сволочи, никто не взял.

— Зачем пришел? — спросила физрук

— Уроки прогуливать! — без идей ответил первый в очереди

— А ты?

— Посмотреть на красивых девочек.

— Ясно, а что этот выдумает на этот раз?

— Увидел по телевизору игру.

Скоро очередь достигла и меня.

— Фамилия.

Мой ответ утонул в излишне громком захлопывании двери.

— Класс?

— Девятый.

Удостоился простым кивком, пока она что-то писала.

— Опыт есть? — поинтересовалась она, откладывая ручку.

— Пару раз во дворе играл, — пожал я плечами.

— Тогда почему волейбол?

Вопрос как вопрос.

— *Понравился* больше, чем футбол. Прикольно прыгать и туда-сюда через сетку мячик кидать, — протянул я, отворачиваясь от нее. Ну да, немного неловко такое в лицо говорить.

Учительница неодобрительно покачала головой

— С таким настроением не быть тебе чемпионом, не быть.

— Чемпионом по косым пасам разве что, — неловко поправил ее, потирая затылок. — *Зато уроков меньше будет*, во. Классно же?

— Это если я тебе разрешу, — категорически прервала она мою мысль. — Добавлю вас в школьную беседу — там будет расписание. Свободен.

Я вышел из каморки, неосознанно засовывая руки в школьные брюки.

Тогда мне казалось, что это просто *еще один способ занять себя* после уроков, лишь бы не торчать дома за компьютером.

Первый день как в университете не пытался казаться интереснее, разве что одной привлекательной деталью: учебный день выпал на пятницу, но поскольку учатся по неделям, то объявили дополнительный выходной.

И надо же ради мелочей заставлять сюда лишний раз топтать... Вот просто зачем? Чтобы что?

Ах, ну да, там же первый день у первокурсников какой-то особенный — гуляют на свежем воздухе и углы шибают.

Делать нечего, ей-богу. Лучше уж хреню дома пострадать или в стрит собраться.

От скуки ожидания куратора, чье назначение было в никому не нужное, обсуждение организационных моментов, я разлегся на первой попавшейся парте.

Через минуту появилось жгучее желание залезть в телефон, а еще через несколько закрыть его, чтобы вновь включить и тупо уставиться в него.

В какой-то момент на соседний стул плюхнулся паренек, небрежно повесив рюкзак на крючок со второй попытки.

По спине пробежались мурашки от неожиданности и противного скрипа.

Как и полагалось, мы оглядывали друг друга несколько секунд и молчали.

Только я хотел, как обычно, заговорить первым, как он опередил меня.

— Лёва.

— *Сява*.

Мы пожали друг другу руки. У него были самые настоящие *ладонища*, мои же попросту тонули в них.

— Ты откуда? Городской, деревенский или с другого района? — поинтересовался я, откидываясь на спинку.

— *Авызынны сегим*,* — сказал он и нагло так улыбнулся.

П/А: С татарского: "в рот ебал"

— *Капици мари*,* — подыграл ему, после чего мы стукнулись кулаками.

П/А: С чувашского: "не пизди"

Начало положено.

— Эй, парни, — обратился к нам еще один одноклассник. — Спорт любите?

— Ну допустим, — ответил я, отбрасывая альбом в сторону.

Лёва же увлеченно играл в какую-то карточную игру, слушая в пол уха.

— Короче, тут деканат выложил расписание занятий... Сейчас скажу, какие успели выставить, — он приблизил нужную фотографию, но даже так сощурился. — Футбол, баскетбол, плавание, армреслинг, *волейбол*, хоккей...

— О, *волейбол*, — только вырвалось у меня, когда зацепился за знакомое слово.

— Перешли в личку потом... Не, забей — кидай сейчас, а то забудешь и мне тебя палками бить придется.

— Уг-ммм... — высказанные слова Лёвы утонули в неразборчивой речи.

Ага, ясно — напряженный момент в игре. Ну, надо бы помешать ему, а то в прошлый раз мне не удалось его шуткой удачно подколоть...

Я закрыл его лицо рукой. Ждать долго не пришлось:

— Ты ебанат или да?! Стой, сука, не мешай мне... А-А-А! — он с силой замахнулся по столу, так что телефон подпрыгнул в воздух, а ручки скатились со стола. Завершил движением, будто переворачивает парту, после чего вскочил на ноги. — Я тя нахуй когда-нибудь закопаю, — а сам улыбается.

Мы с другим товарищем лишь утонули в смехе. Обожаю его яркие эмоции и театральность — все, лишь бы поднять настроение в компании.

Я тоже не особо далеко ушел — такой же, не побоюсь высказать это слово, распиздяй.

Но только для своих и никак иначе.

— Погодь... *ты тоже* в него играешь? — у Лёвы внезапно что-то щелкнуло в голове.

Похоже информация доходила до него голубиной почтой или кострами.

Лева с разгона налетел на парту. Ручки, карандаши — все полетело на пол.

На нас развернулись одноклассники, попросив тише, а затем вернулись к болтовне.

— Э-э-э, — опешил я, не зная, что сказать. — Да? Какие-то вопросы?

— Хандон, ты же сразу мне не рассказал, а? — в шуточной манере наехал Лёва. — Записался, оказывается, в какой-то гей-клуб под прикрытием...

— Даун? — я протянул вопрос, все еще находясь в недоумении. — Ты ж сам никогда не спрашивал? Конечно, нахрен ты не будешь знать — что, тупой что-ли?

Он отклонился назад от меня, сохраняя недоумение.

— Ладно, проехали, — Лева собрал упавшее. — Будем вместе ходить? Только учти, я был связующим. Капризничать люблю, мама не горюй.

— Посмотрим.

— Не-а, братан, ты можешь так своей будущей жене отвечать на очередную просьбу купить дорогое платье, но меня такой ответ не устроит, — Лёва постучал по виску. — Мне нужны те, кого я могу заставить сиять.

Как это *благородно* и *пафосно* одновременно. Меня бы стошнило, если я знал бы его не больше, чем две недели.

— Я плохой доигровщик, — моя кислая мина никак не повлияла на него.

— Тогда научись.

— Справедливо, — невольно приподнял уголок губ. Переубедить его еще та задачка. — Иначе, зачем туда вообще идти?

Лева с размаху шибанул меня, так что искры из глаз посыпались, а содержимое желудка попросилось наружу.

Специально же сделал, зараза.

— Погнали за водой, — предложил ему я, все еще держась за живот.

— Пойдем!

Тогда я еще не знал, что *следующие нескольких лет* наш каждый второй вечер будет оканчиваться свистком, скрипом кроссовок и очередными спором. Кто же все-таки виноват: Лёва, отдавший «идеальную передачу, или я, не сумевший нормально пробить.

И как всегда мы сходились в виновности нашего защитника, или на новом для меня сленге — *либеро*.

Выйдя из раздевалки, я оказался на корте, чтобы размяться.

По доскам забегали первые пары кроссовок — некоторые уже встали по парам и уже передавали друг другу мяч.

Растянув все, что можно было, я направился к мешку с мячами, где взял первый попавшийся и привычно развернул в ладонях.

Сделал два коротких удара об паркет, схватив его в конце кистью.

Только после этого как будто окончательно переключился с учебы.

Затем подбросил вверх...

— Шнурок, — что-то мелькнуло на периферии, но знакомый голос выдавал бегуна.

Без поднятия головы мог представить Лёву, уже бегущего к подброшенному мячу, готовясь поймать его в воздухе.

«И ведь не соврал ведь».

На правой ноге один бантик выглядел больше левого — забыл протянуть еще раз через дыру.

Только поднял глаз, как инстинктивно защитился предплечьем от летящего мяча — тот удачно отскочил обратно в руки запускающему.

— Ты должен был пафосно схватить его кистью, тц, — разочарованно произнес Лева, подпрыгивая на носках.

А затем молча подкинул мяч вверх ко мне.

— Еще не вечер — отрезал я, отдавая мяч.

— Жду не дожусь, когда выйдешь на этот уровень, — признался он, делая удар.

Мой нижний прием подкачал — мяч улетел в стену, где и остался лежать.

— Ну вот, — довольно кивнул Лёва, — уже почти.

— Почти что? — поинтересовался я, забирая мяч.

— Почти не позоришь меня.

— Ты прям мастер воодушевлений, — закатил глаза. — Спасибо от меня не дождешься.

— Ну и пожалуйста, ну и не надо! — саркастично вытянул он руки перед собой. —

Специально тебе дам сложный пас, чтобы ты мучился.

— Садист хренов.

— Связующий.

«Да хоть хуюющий»

— Одно другому не мешает.

Лёва лишь довольно улыбнулся, а затем без предупреждения дал высокую подачу, к антенне.

Мяч взлетел значительно выше обычного.

— Не дотянешься — лох, — только и успел он протарабанить.

Молча сфокусировался, после чего сжался как пружина, отправляя себя в полет.

Кончики пальцев *совсем немного не достали* до предполагаемой точки контакта.

Только вот сам мячик с характерным шлепком врезался прямо в антенну.

Я молча повернулся и начал прогрызать взглядом.

— А прикинь, если бы ты этот мяч достал — девчонки так бы и запищали, — подмигнул он.

Оглядел зал по сторонам:

— Их здесь нет.

— Это все отговорки...

— ...ты мне зубы не заговаривай — пас говно и точка. Просто ужас — позорище, недостойное...

Сзади раздался знакомый бас:

— Эй, Лёва.

К нам неторопливо, слегка покачиваясь направился здоровяк. Еще немного и надетая на нем форма вот-вот начнет просить пощады.

— Вась, — Лёва буквально подлетел к нему, хватаясь за плечи. Мы с Леовой приблизительно одинакового роста, однако даже на цыпочках он был ниже на целую голову, — скажи ему, что я нормально пасанул.

Широкие плечи с вечной улыбкой и ощущением, что человек физически не способен злиться, почесали затылок, вспоминая события.

— Ну... — он вытер пот со лба футболкой, — *антенна пас приняла*, точно!

Я прыснул, а Лёва недовольно цокнул языком.

— Предатель.

— Почему? — Вася слегка поник.

Несмотря на идеальную мишень для вброса подколов, мы никогда не старались специально обижать его.

Пожалуй, Василий один из немногих людей, если не единственный, перед которым я дважды подумаю над шуткой. Какой-то он... неправильный что ли — после каждой шутки над ним автоматически становится неловко.

Мне хватило одного раза — больше проверять чувство юмора на нем мне не хотелось.

В этот момент раздался до боли знакомый, но раздражающий голос.

— Нашлась, блять, приемная комиссия. Что вы вообще понимаете в передачах
Невысокого роста парнишка в форме либеро поднял свой голос еще с того конца зала — едва успел кинуть бутылку воды на пол.

В местных кругах известен как вечно недовольный «*гном*» ака «*пиздюк*». Сам он предпочитает слово «либеро, остальная наша компашка — нет.

А почему злой? Никто не знает. Возможно, это связано с тем, что он *гном*, а в их ярусе *воздух тяжелый*...

В общем, при своей низкорослой, но крепкой комплектации умудрялся разговаривать с незнакомыми людьми так, будто сейчас всем навалает и еще своим на сдачу.

— Андрей... — обреченно вздохнул Лёва

— Чего «Андрей?» Я всю жизнь уже Андрей... — озлобилась полторашка. — Верхняя просто мега отвратная.

— Я хотел заставить его прыгнуть выше!

— Ты специально целился в антенну? — скрестил Андрей руки, шевельнув причесом.
— Нет? Тогда почему она единственная смогла принять пас? Ты же кичился ростом после тренировок — где он?

Тут буквально напрашивается шутка.

Один раз промолчи.

Честно — я пытался...

— Вам там с первого этажа виднее, кто лучше пас принимает.

И, по стечению обстоятельств, именно в этот момент зал был очень тихо. Лёву согнулся пополам раньше всех, заражая остальных смехом. Даже Тренер, разговаривающий по телефону, деловито покашлял.

Лишь Вася с разинутым ртом, будто дожидался, когда можно заговорить, стоял камнем — единственный не понял, почему мы смеемся.

— Чего вы смеетесь? — искренне удивился он.

Кто ж знал, что он действительно живет на первом этаже своего муравейника.

— Ничего, Вась, — выдавил я вместо Лёвы — тот аж начал задыхаться от собственного смеха. — Забей.

Андрей же, покрасневшись, напомнил о себе:

— Да пошел ты нахуй!

— Правда глаза режет? — утер я слёзы.

— Сейчас я тебе... — с этими словами сделал шаг вперед.

И сразу остановился. Единственное, что, а точнее кто меня спас — сам Вася, схвативший того за форму. Андрей пытался всячески вырваться из позорного захвата, но против физики не попрешь.

— Так, — громко свистнул тренер. — Заканчивайте разминаться и стройтесь.

Все послушно вытянулись в шеренгу.

— Здравия желаю, — начал тренер.

— Здравствуй!!! — хором ответил строй.

— Вольно, — волевой мужик поправил цепочку. — Сначала отрабатываем стабильность подачи, затем, так уж и быть, играем, а в конце те, кого я назову, получают доп. задания. Всем все ясно?

— Так точно!!! — ответ прозвучал незамедлительно.

Постепенно зал наполнился выкриками:

— Да как так-то!

— Ты опять в сеть подал?

— Ноги, ногами смягчай удар!

— Почему у нас блока не было?

— Вот это удар!

— Отличный! Через себя!

Такие восклицания повторялись каждую тренировку.

Лёва опять возмущался на слабый удар от диагонального, хотя именно он принес очко.

Андрей-гном говорил, что мой друг безнадежен.

Вася же всех пытался успокоить.

А я уже почти привычно вышел на линию подачи, предварительно два раза стукнув мячом об паркет.

Тогда мне казалось, что впереди еще целая вечность.

Не побоюсь сказать, что немного с запасом: все-таки *шесть лет* — *срок огромный*. Особенно для первокурсника.

Ошибался.

Пары сменялись тренировками, а те вновь парами. Сессии — семестрами. После сессий — новые тренировки и игры со ставшей уже родной командой.

Оглянуться не успели, как оказались на старших курсах.

— Да ты его вообще не видишь!

— Я его прекрасно вижу!

— Тогда почему опять в антенну?

— Потому что она высокая!

— Она, блять, неподвижная!

— Вот именно! А ты попробуй в движущуюся попасть.

— Лева, ди нахуй, а?

— Сам иди.

Тренер устало потер переносицу.

— Закончили балаган. Делимся на приём.

Мы нехотя разошлись по площадке.

После тренировки возле выхода встретились старшаки со своей группой и остальные выпускники.

Кто-то уже фотографировался в обнимку, кто-то смеялся, вспоминая очередную историю, кто-то действительно не мог перестать плакать — и не понятно: от грусти-ли, или человек действительно рад перестать видеть отдельных преподавателей.

Один вообще позировал с порванным халатом, будто именно этого момента ждал все шесть лет.

Заметив нас, они направились к нам на встречу.

Минут через пять разговор окончательно скатился к привычному:

— Ты куда потом? Ординатура же?

— Кардио — я че, по-твоему зря столько баллов собирал?

— А ты, Серёга?

— Фтизиатр. Хочу много кушать...

— Эй, а че тут Ромчанский забыл? Он же вообще стомат!

— Нельзя посмотреть на выпускной друзей?

В общем, обычный разговор достаточно знающих друг друга людей, чтобы нарочито не искать особых тем.

— Да ладно, мужики, — со смехом произнес один из старших, — Сыграем мы еще одну последнюю игру вместе, а дальше уж как пойдет.

Не придавал особого значения этим словам — звучало настолько очевидно, что задумываться не было смысла. Конечно же, мы больше не увидимся.

Время всегда идет своим чередом — смысл противиться неизбежному?

После выпуска почти никто не возвращался — один появлялся нестабильно раз в полгода, другой зашел пару раз и пропал без вести.

В чате жизнь теплилась немного подольше, но и там знакомые аватарки постепенно вытеснялись новыми.

Жизнь постепенно уводила каждого в свою сторону.

А на смену им приходили новенькие — такие же шумные, увлеченные. Совсем как мы раньше — чего скрывать.

Для них этот путь только становился привычным, а для нас постепенно оставался в прошлом.

Всё как всегда: крик, потные мужчины, скрип подошвы, ругань.

Мы ударились ладонями с одним из игроков после проигранного поинта.

— А Костян где?

— Работа. Сегодня не сможет.

— Опять?

— Угу.

— А, ясно...

Через пару минут *никто уже и не вспоминал* о нем. Тренировка продолжилась *как обычно*.

— Вася, ты куда? — удивился я, вытирая нос об плечо.

Тот неожиданно направился в сторону выхода, за час до окончания тренировки.

Развернувшись, он застенчиво растрепал волосы, после чего ответил:

— Меня девушка убьет, если не приду, — сказал он, натягивая олимпийку. — Простите, парни.

— Каблук, — выдал Лёва.

— Зато живой, — беззлобно улыбнулся он, помахав на прощание.

Однажды в какой-то момент времени поймал себя на неожиданной мысли, что Васи давно нет.

— Слушай, а куда пропал наш медведь? — спросил я, выливая воду на чужую голову.

— Так он женился же, — удивился Лева тем, что я не знаю. Даже глаза раскрыл сквозь поток воды. — Медовый месяц, катаются повсюду... Ему явно не до нас.

— А-а...

— Ты его страничку вообще открывал? Чего тупишь?

— *В личную жизнь не лезу*, — отмахнулся я, вернувшись к переодеванию.

— Андрей!

— Чего?

— Ты опять ходил в проф. клуб?

— Допустим, и?

— И как?

— Если закреплюсь в составе, то больше можешь не ждать.

— Водоносом что ли? — фыркнул Лёва.

— Водоносом... Не пизди, а. — Андрей нарочито брызнул мокрыми руками в его сторону.

— Да кому ты там нужен...

— Завидуй молча.

Мы лишь стукнулись кулаками, заканчивая разговор.

А через месяц Андрей сдержал слово — исчез, молча перестав приходить. По привычке спрашивали, появится ли он, а позже перестали.

Зато в беседе остался. Почти никогда ничего не писал, время от времени прочитывая сообщения. Вон, однажды переслали новостное из мира спорта, где рассказывалось про команду, занявшую третье место на Всероссийских.

А на переднем плане, выделяясь мелким ростом, стоял давний знакомый — Андрей. Лицо читалось таким самодовольным, вечно хмурым, отчего я невольно хмыкнул.

И когда под этим же сообщением появилось первое сердечко, я представил, чья наглая рожа воткнула самолайк.

«Что там пиздели про водоноса?»

Странная вещь: в одно мгновение рядом был человек, а в другой — его уже нет.

И всё же...

Когда обыкновенное удается столь красиво и прочно вплестись в рутину жизни и столь молчаливо же уплыть вдаль?

Мяч привычно два раза ударился об корт.

Какой это уже раз? Десятитысячный? Почему вообще это движение превратилось в мой ритуал перед подачей? И вообще, зачем я его продолжаю делать, повторять раз за разом? Ничего не стоит остановиться — лишь перетерпеть немного психологическую ломку.

Наверное, меня это... успокаивает?

Однако отделаться от ощущения ответа, вертящегося на языке, я не смог.

— Шнурок.

— Уже завязан.

— Я тебе не доверяю.

Я краем глаза заметил выпирающий пластырь из-под носков.

— Лёв, — недовольно сузил глаза я, — когда ты успел *подвернуть* ногу?

Он резко остановился, посмотрел вниз так, будто только сейчас вспомнил про собственную ногу.

— Это не серьезно, — неожиданно подпустил злобную нотку в голос Лёва.

«Темнит. Но зачем?»

Очень сильно хотелось начать расспрашивать, но подумав, что это слишком сильно выбьется из моего поведения, решил изменить вопрос:

— Не серьезно?

— Играть можно, — усмехнулся он.

В качестве доказательства несколько раз попрыгал. Спасибо, что не начал гопак танцевать.

— Видал, живой? — его носок ступня начала судорожно дрыгаться из стороны в сторону.

— Долбоеб ты... — я не придумал ответа получше.

— Связующий, — в очередной раз он поправил меня.

А сам сделал пару быстрых шагов в сторону, чуть прихрамывая. Обязательно делая вид, будто так и надо.

— Бесполезно, — сделал так называемое «рука-лицо».

На прыжках Лёва почти не отталкивался правой ногой — почти перестал давать его любимые передачи в прыжке, которые у него, на удивление, были точнее, чем на земле.

Блок также оставался без внимания. Обычно он старался при любой возможности прыгнуть на блок, задеть кончиками пальцами, но смягчить удар, зная, что у соперника выше съём. Изредка, когда ситуация была критическая, он прыгал, но даже в таких ситуациях проявлялась недостаточность высоты — физически не мог закрыть область просвета.

Не зная столько лет, можно подумать, будто Лёва специально сменил стиль под противников, чтобы запутать их.

Или окончательно ебанулся и прямо на матче решил испробовать что-то новенькое.

В любом случае, не прекращаемые распри с тренером начинали меня сильно раздражать.

Не

Не будь это сезоном, то посадили бы его моментально — второй не успел ещё догнать нас по игровой логике.

Может, поймать его с другими в раздевалке, оставить пару фонарей на лице, чтобы в беспросветной тьме ориентировался без проблем?..

Шестеренки в голове с неприятным скрипом отказались от принятого решения.

Всё-таки я ему не родня, чтобы указывать что-то.

Взрослый человек, как-никак.

Лёва в раздевалке что-то возился с подкладкой в кроссовках.

— К врачу не хочешь сходить? — бесцеремонно выпалил я.

— А я чем хуже? — улыбнулся он, а затем на секунду скривился, когда слишком сильно обхватил голеностоп.

Не нравится мне это, ой, не нравится, такая настойчивость.

Понимаю, решимость это классно, пафосно, но всё же...

— *Серьёзно*, — сел рядом, схватив затекшие плечи так, чтобы он съежился.

Он откинул мои руки, нервно облизнув губы.

— Сказали отдыхать, — проворчал он.

— Так отдыхай. — я буквально с усилием вставил челюсть обратно наверх. — Сам же постоянно ныл, — почему люди не слушают врачей.

Ответа так и не последовало. Ну, если не считать злобного фырканья, которое звучало больше как усталое.

Я промолчал, уставившись в пол. Тот лишь ответил немым взглядом через грязную поверхность.

Раздевалка будто стала громче: где-то хлопнул ремень джинсов об крючок, послышались отрывистая брань из душевой, а другой человек, плюнув на всякие попытки сложить мокрое термобелье, закинул потные тряпки как попало в сумку.

Я помассировал виски, будто бы какой-то инженер перед задачей или математик перед выражением.

Нет, все равно *решительно не понимаю* в чём проблема.

Не хватает, так сказать, предыстории, качественного анамнеза.

Пролога.

Качественного пролога, чтобы отпали все вопросы по характеру, поведению персонажа. Иначе гадать следующие поступки, причину его реакции станет полностью бесполезно — всё превратится в бездушный балаган.

Но это была лишняя лирика, на пороге стоит другой, более важный вопрос.

Если не спрошу, то никогда и не узнаю... Промолчать или всё-таки спросить?

Да и черт с ним — хуже бездействия ничего нет.

— Почему, м-м-м, — слегка остановился я, пытаюсь выразиться поточнее, — почему продолжаешь играть?

— Сезон, — моментально ответил Лёва.

Слишком быстро, даже не задумался — так не бывает.

Явно уже отрепетировал раз пять.

Лампы на потолке сегодня светило особенно тускло.

— И-и-и? — моя бровь выгнулась вверх. Аналогично с уровнем негодования — Ничего не понимаю — чего ломаешься? Не хочешь говорить — скажи прямо, я не обижусь. Но раз начал, то будь мужиком — закончи.

Кажется, мне тогда стоило воспользоваться тишиной и обдумать сказанное чуть подольше.

Лёва шумно, резко выдохнул. Не вздохнул — выдохнул. Так делают, когда внутри распирает от накопившегося.

Пальцы продолжали теревить язычок кроссовка, словно это было сейчас важнее разговора.

— Меня посадят на *банку*, — повторил он тихо, будто желая, чтобы только я это услышал. Я несколько секунд тупо молча смотрел на него, время от времени моргая.

И всё? Вот из-за этого весь цирк? А я думал, тут будет немного прозаичнее...

— Ну... посидишь *немного*, *ничего страшного* не случится — пожал плечами я. — Второй связующий для кого есть?

После сказанного он удостоил меня странным взглядом. Не злым, каким-то пустым.

Только вот побелевшие костяшки пальцев во вдавленных кроссовках выдавали его отношение.

— Для того, чтобы заменить.

— Э-э, — во мне было только недоумение, — Потом в любом случае *обратно* выйдешь...

Лёва неожиданно грустно усмехнулся над моими словами. Сощурился, как будто прозвучала самая наивная вещь на свете.

— Потом, это *когда*? — чуть повысил он голос, пытаясь достучаться. — Когда умру от старости?

Я поморщился. Вся эта ситуация начинала меня раздражать.

— Тогда стань тем самым запасным, который заменит основу.

Щёки Лёвы надулись до невероятных размеров, а затем столь быстро же вернулись в норму.

— Ты серьёзно? — он посмотрел на меня так, будто просил признаться как можно скорее в том, что я над ним издеваюсь.

Эх, если бы, если бы...

— Более чем.

Лёва устало потер лицо ладонями.

— Ты опять не понял. Сейчас сезон. Уйду отдыхать на месяц — выйдет второй, — он кивнул в сторону площадки. — Тот начнет нормально играть, команда подстроится под него, тренер привыкнет, а я... — он ненадолго замолчал, — *а я останусь за бортом*.

Количество недовольных складок на моем лбу начинало нарастать.

— Если ты сильнее, место вновь вернется. Не сможешь... Что ж, *так работает спорт* — надо было больше тренироваться.

Повисает тишина, после которой Лёва вскакивает, игнорируя боль, после чего взводится со страшной силой

— *Ты нихуя не понимаешь!* — орёт он, ударив кулаком по стене. — *Спорт — не ебаное аниме*, где после арки тренировок ты готов беспощадно ебать всех в рот! — шкафчик с силой открылся. — Связующий — не доигровщик блять, пойми это уже наконец! Тут сыгранность, чувство темпа половину работы делают. Это *ты ебанный монстр, убивающий себя* на тренировках! Может быть в твоей башке квадратной норма отсидеть на парах, прийти домой, покушать, поспать и опять в зал идти по кругу, но не для других. *Как ты вообще стоишь на ногах?!*

Лёва присел на скамейку, откинув кроссовок в сторону, разглаживая бинты вокруг голеностопа.

— А меня ещё вообще-то дома ждут.

Секунд пять мы оба молчали, не зная, как реагировать.

Неожиданно для себя я рассмеялся.

Настала очередь Лёвы смотреть исподлюбя.

— Че ржёшь, а? Тебе человек проблемы рассказывает, а ты как в цирке.

— Да не, — утер слезы я, — это скорее истерический или беспомощный.

Я неспешно подошел к брошенному кроссовку. Подобрал, лениво подкинул его так, чтобы он сделал медленный оборот вокруг себя, повторил несколько раз и направил носок «дулом» на Лёву.

— Всё равно ты долбоёб.

Лёва вырвал у меня из рук кроссовок и напаялил его.

— Знаю. Соси.

Я протянул ему предплечье, за которое он тут же схватился

— Добро-о-о пожаловать во взрослую жизнь, — потянул я его на себя, а сам пытался сделать голос похожий на радиоведущего *ночного города*. — Сегодняшний подсчет вариантов закончился на отметке: все — хуевые.

Костыль неприятно цокнул по асфальту.

Потом ещё раз, ещё, и ещё раз.

Странный звук, честно.

За столько лет настолько привык идти рядом с человеком, чьи шаги почти сливались с моими. Особенно нравилось то, что у нас совпадает темп ходьбы — часто слышали от других просьбы шагать медленнее. Не знаю почему, но мне было очень приятно слышать подобные просьбы.

Сейчас даже просить не надо.

Шли мы плечо в плечо настолько медленно, что можно было спокойно рассмотреть каждую трещину в асфальте, где прорастал не убиваемый подорожник, чьё возможное существование в подобной среде ставилось под вопросом.

Однако раз он живет, то, значит, каким-то образом это получилось?

Не может же что-то появиться из ниоткуда — это физически невозможно...

Мы дождались зеленого сигнала, и перешли дорогу.

После вечерних пар столпотворение студентов было колоссальным. Ну да, весь этот поток людей уходил в основном с практических занятий. Небольшая часть с лекций — куда как раз таки и входили мы.

Ладно, хоть в этот раз окон не было — сразу из больницы в универ.

А ведь все эти счастливые люди думаю то же самое и про остальных. У кого-то и мы мелькаем в виде «парень с костылями и его друг».

Хотя... в случае Лёвы правильнее было бы сказать мужчина. Всё-таки выглядел он более зрелым, чем я, которого все ещё могли иногда попросить паспорт при покупке энергетика.

Приятно знать, что ты все ещё молодой. Вечно молодой, вечно пьяный...

В голове сама собой заиграла *старая песня про «вечную молодость»*.

Куда-то меня не туда завело, надо бы поближе к делу.

Вообще, обычно люди предпочитают либо преувеличивать степень происходящего, либо делать вид, что ничего не произошло. Последние будут молча терпеть, гнуть свою линию до тех пор, пока не вырубятся или чего похуже. Вот Лёва как раз относится к ним.

Сам же я никогда не понимал обе крайности: если мне понадобится помощь — попрошу без зазрения совести, если не надо — скажу прямо. Ну и степень оценки сюда же — никогда не пытался врать, что у меня не болит, отчего иногда случались забавные моменты.

Не, социальную подоплеку я способен понимать — не надо меня за не социализированного придурка держать.

Вон, одного инвалида хватает, а если бы их было двое, то, пиши пропало...

И ведь даже помощь ему не предложишь — попробуй схватить под плечо, так сразу же костылем по голове и получишь.

— Сегодня опять не пойдешь? — спросил Лёва, не поворачиваясь.

Сразу понял, о чём пойдёт речь.

— Не-а, — грустно вздохнул я

Накинул капюшон, чтобы не промочить голову под весенним морозящим дождем.

— Практика? Так у тебя ещё времени дофига или как? — закономерно поинтересовался Лёва, стукнув меня палкой по тормозам.

— Не, если я после тренировки приду как студент в операционную, то... — фамилия утонула в шелесте листьев, — меня потом приберёт — итак дополнительно он время выделяет на меня, а тут я еще позорить его буду.

— Никогда не пробовал, не знаю, не тренироваться на сто десять процентов? — Лёва остановился, чтобы натянуть кепку на себя.

— Настолько заметно?

— Ты когда-нибудь смотрел свои фотки? Ты во время удара выгибаешься не хуже той белой хуйни, которая на четвереньках бежит по полу.

Он

Он стукнул костылём по луже, слегка забрызгав наши штанины.

— Никогда не замечал, — честно признался я.

— Поправка, тебе хотелось услышать это от другого, — абсурдно фыркнул Лёва.

— Не отменяет первого, — усмехнулся я, — но спасибо за похвалу. Правда, я ценю это.

По голове застучало чуть чаще обычного — дополнительные капли стекали по листьям, оказываясь на ткани нашей одежды.

— *Часто пропускаешь?* — вдруг спросил Лёва.

Я пожал плечами.

— *Частенько*, но я не считал, — не стал вилять.

— Насколько?

Попытался вспомнить, напрягая мозг, на отказ пытающийся работать ещё поверх сверхурочных. Сколько там было? *Три обязательные тренировки, две дополнительные игры* со всеми желающими, куда приходили ради веселья. Иногда выбивались с парнями, скидывая на аренду зала или дружеские матчи с товарищами из секций. В общем, достаточно интенсивно.

Удивлён, что мой организм вообще справлялся с такой нагрузкой. Душой с логикой понимая, что это аукнется мне в более позднем возрасте, но... кто из нас не без изъянов?

А сейчас что? Помню, ставил себе цель приходить хотя бы на обязательные. Первое время получалось, затем из рук вон плохо — остановился на одной обязательной и второй по возможности.

В сумме сколько имеем? Простейший математический расчет дает нам ответ: один плюс один равно два.

Полторы.

Потому что на вторую я часто приходил настолько *уставшим*, что тренировкой это назвать язык не поворачивался.

— Частенько, — поник я, уронив голову.

— Жалеешь?

Вопрос прозвучал настолько спокойно, что я даже не сразу понял его смысл.

Посмотрев на Лёву, увидел, как его зрачок посмотрел на меня боковым зрением, после чего он молча уставился вперед. Давал мне выбор: отвечать ли честно или соврать, а может промолчать — Лёва не будет осуждать.

Жалею ли я?..

Хм...

И ведь не смогу ответить с лета — не собираются ни мысли, ни идеи, ни заготовленные ответы.

Я просто... *не задумывался об этом?*

Такой *базовый вопрос* действительно *застал меня врасплох*, отчего я неволей спрятал руки в карманах, сквозь них перебирая застёжку.

Я ведь ни разу себе его не задавал — всё как-то времени не было.

Какая ирония — на то, чтобы понять, что времени не хватает, тоже требуется время.

Жалею ли я?

Трудно было сообразить ответ на этот вопрос.

Чёрт его знает.

Волейбол *изначально* никогда не был тем, чем хотелось зарабатывать. Даже в самые безумные моменты, когда мозг физически не мог адекватно обрабатывать всю информацию, отдавал себе отчет — реальная жизнь переедет все мои несуществующие ложные надежды и мечтания. Без этих всяких финальных матчей, торжественных речей, красивого «спасибо».

Просто однажды интересные мне пары, разборы клинических случаев и инициатива преподавателей с действующими врачами стали выпадать на тренировки.

Не заметил, как для меня нормально стало ловить себя на мысли, мол, пропускаю тренировку без чувства вины.

Я вдруг перестал выбирать — *выбор был уже сделан*.

Сознательно ли я проявлял инициативу, или *пассивно* пришел к этому уже не важно.

Так что правильнее будет сказать, что я жалею не о самих тренировках... Скорее, о том, что они *перестанут быть моей отдушиной* помимо компьютера.

Да-а-а... Почему же самое простое оказывается таким сложным?

Как-то неприлично долго мы молча идем. Наверное, он уже решил, что я не хочу отвечать.

Зря.

— Пришлось выбирать, — наконец прервал я тишину молчаливой прогулки.

— Из чего?

— Между получением диплома и азартным хобби.

Тот лишь привычно натянул довольную улыбку.

— Если уж даже у тебя не получилось совмещать, а ты тот еще распиздяй, то и сказать нечего.

Если спать по четыре часа в день на протяжении года, отказаться от жизни вне учебы и спорта, сидеть на модуляторах и быть богом генетики, отринуть человечность...

Тогда, наверное, можно.

Но будет ли это жизнью, а не бездушным существованием?

— Не всем дано быть роботом — исчерпывающий ответ как по мне.

Как оказалось, даже его недостаточно, если человек хочет поговорить.

— Знаешь, что меня всегда бесило?

— М-м-м?

— Один идешь или думаешь — лицо натуральнейший кирпич.

— Гонишь.

— Серьёзно. Заметил еще тогда, когда впервые пожрали вместе — такой же пустой взгляд в одну точку, будто тебя вообще тут нет.

— Это как?

Он ткнул меня в бок костылем.

— Боком об косяк, — огрызнулся друг. Лучший друг. — По ощущениям, в голове летаешь. А потом появляюсь условно я...

Еще один легкий тычок в бок.

— ...и все. Глаза оживают — как будто батарейку вставили.

Я хотел сказать ему, что он выдумал.

Не сказал — не был уверен.

Мы

Мы безмолвно продвигались по асфальтовой тропинке.

В какой-то момент рядом прошла девушка.

Лёва моментально толкнул меня плечом, чуть не падая, но устояв на ногах.

— Ля какая, видал?

— Ага.

Лёва театрально закатил глаза:

— Иди познакомься.

— Зачем?

— Хватит ебать книги с мячом и квартиру на пару — найди девушку.

— Мне лень.

— Тебе скоро тридцатник.

— Скоро, но еще не тридцатник, — соорстил я гримасу

— Уже запущенный случай. Будешь магом.

— Ты мне давай мозги тут не пили — если тебе на голову капают дома, не надо на мне отыгрываться.

— Зато меня дома ждут, — Лева высунул язык.

— А я без костылей дойду, — парировал я.

Лева молча посмотрел на меня так, когда он угрожал кому-то выбить зубы.

— Мудак.

— Есть такое.

И вновь единственным звуком помимо проезжающих машин был стук костылей.

Мяч завис в моей кисти, а затем начал падать.

Раз ударился, два стукнулся...

До сих пор я так и не перестал делать ритуал — без него и мяч криво летит, и ошибаешься чаще.

Год.

Уже целый год я прихожу сюда не в качестве студента, а обычного выпускника.

...И всё равно ноги сами несут меня.

Я представил овации зрителей, разжигающие азарт, взгляды соперников, дорогие камеры со стабилизаторами...

Ноги мощным импульсом подбросили меня.

Весь импульс продвинулся к кисти, которая с оглушающим звоном вцепилась в мяч.

Тот, на удивление, закрутился и ровно прилетел в угол площадки.

Точность моя никуда не потерялась, приятно.

Вахтерша недавно попросила всех собираться, поэтому в зале никого не осталось. Сказав, что я сам убери сетку, остался на подольше, развлекая себя как мог.

В конце концов, эта попытка была последней, так что пора закругляться.

Отодвинув столбы, закрепив сетку у стены и выключив прожекторы, я плюхнулся пятой точкой вниз.

Приятная прохлада, пробежавшая по спине, заставила меня блаженно развалиться.

Соседняя дверь открылась, и из душевой вышел мужчина сорока лет — Михаил.

Михаил был здесь ещё до нас: учился где-то неподалеку, закончил и работал по какой-то специальности — не запомнил, было все равно.

Приходил в зал до нас, видел все наши взлеты с падениями и, как мне кажется, останется ещё надолго после меня.

Классный мужик на самом деле — постоянно звал всех на шашлыки, баню, где обязательно будет еда, водка и прочее.

Ходил на такие события — весело, конечно, но желательно иметь второго трезвого друга, иначе будет неприятное ощущение не в своей тарелке.

А нажраться вслед другим не горел желанием — печень жалко.

Зачем быть пьяным ради трэша, если можно творить его ещё похлеще в трезвом состоянии?

Как и в принципе портить себе легкие никотином. Кроме, разве что, пассивного курения с пацанами в туалете, но там не откажешься никак.

Зато характерный щелчок открытия крышки пиваса я мог узнать без проблем.

Сразу же после душа он полез в рюкзак за ним.

Ну, не будем отставать от него: просунув руку в рюкзак, нащупал железную банку бархатистого кваса, после чего жадно сделал несколько глотков.

— Давненько тебя не видел, — обратился ко мне Михаил.

— Работа, она такая, — хмыкнул я, смотря тупо вперед.

— Выпустился сокол, значит?

— Уже как год.

Михаил понимающе кивнул, будто другого ответа он не ожидал.

— Привыкаешь?

— Сначала было неприятно, потом быстро свыкся, — отпил из банки. — Чего лишний раз ворчать?

— Это нормально, — он оперся на бедра, перечисляя: — Постоянно заебанным ходишь, покалывает местами, сутки короче на десять часов становятся...

Я усмехнулся.

— Для меня наоборот, добавилось лишних часов десять по ощущениям.

— И все равно сюда выбираешься, — довольно отпрянул он.

— А что мне ещё делать? Не люблю без дела дома сидеть, — не глядя ответил я.

Дом действительно стал местом, куда я прихожу только приготовить поесть, посидеть перед монитором и уйти спать.

До учебы была привычка спать прямо в одежде, а недавно она получила продолжение — лень было даже разуваться. Заваливаюсь на кровать как есть, накрывшись толстовкой вместо одеяла.

Со стороны, наверное, звучит паршиво: постоянно работаешь вплоть до того, что не всегда дома ночуешь — свободного времени почти нет.

Казалось бы, классический кандидат на разговоры про выгорание, депрессию, необходимость пожить про себя, душевными терзаниями и соплями на десятки страниц, прежде чем его собьет фура... После чего этот безработный неудачник получает заслуженный второй шанс, которым он воспользовался... Я даже не знаю, как сказать по-другому кроме как стыд, позор, обсёр.

Как безработный человек, который превратился в хикку настолько, что перестал выходить из дома, который никогда, повторяюсь, никогда (!!!) не предпринимающий никаких попыток, резко становится социально компетентным?

Вопрос, ответ на который сам напрашивается.

Вернемся к моей жизни.

Не сказать, что я счастлив каждую секунду жизни, прыгаю от восторга каждую секунду иначе бы сидел в дурке за белыми стенами.

Просто... нормально.

Мне не нравилась работа в меру, нравилось идти спать вспотевшим после очередного потного матча на высоком рейтинге в соревновательных шутерах.

Если человеку действительно плохо — помоги, но если просто живетсЯ иначе, чем тебе...

...Зачем пытаться его переубедить? Зачем жалеть?

Это выглядит так наигранно, так странно, будто обязанность соблюдать социальные нормы у себя, дома, будучи одним за столом.

Банка в руках раскачивалась в такт мыслям аналогично бокалу с дорогим вином, из которого вот-вот опробуют вкус.

Михаил слегка рассмеялся.

— Я прям отсюда вижу, по глазам, как ты задумался по очередной хуйне, — он протянул мне бутылку.

Каждый раз это делает, и каждый раз получает один и тот же отказ.

Ну безумие же, чистой воды.

— Иногда мне кажется, что если я увижу тебя выпившим, то можно будет просто выйти на закат и смотреть за ядерным пеплом, — довольно произнес он, потягивая из невесты откуда взявшейся электрoнки.

— Не дождешься, — беззлобно ответил я, щелкнув пальцами.

— Вот именно, — Михаил затянулся и выпустил дым, — ты в таком случае или на площадке будешь, или на работе просыхать безвылазно, — он спрятал вещицу. — С работы сразу сюда летишь, не спешишь домой возвращаться... Значит, дома кто-то очень терпеливый. Повезло тебе.

Усталость давала знать — не сразу понял, о чем он.

— В смысле?

— Девушка, жена. Кто там у тебя, — махом руки указал в сторону.

— Никого, — нейтрально бросил я.

Михаил резко убрал губы с горлышка, округлив глаза. Думаю, текущие капли по подбородку, медленно падающие на пол, в его случае выражали замешательство похлеще любых эмоций.

Сам он продолжал несколько секунд смотреть на меня, словно ждал панч-лайна.

Но я молчал, и тогда он выдал что-то вроде:

— А ты из этих типа?

— Обязательно быть из этих?

— Ну я не мог пропустить такую банальную шутку, — икнул он, — так в чем дело?

— Не знаю, лень, может оно само как-то, а может не само, все равно.

— Значит все-таки из этих.

— Хех, — уголки губ сами поднялись до ушей. — Каждому такое говорю, но никто не принимают всерьез.

Обычно после этого начинается парад непонимающих речей с попыткой переубе...

— Ладно, — неожиданно кивнул он.

Я даже удивился.

— Что «ладно?»

— Сам знаешь.

Он понюхал себя, после чего выругался.

— Пиздец потеешь после выпивки, — Михаил поднялся со скамейке, предварительно закинув мокрое полотенце на плечо и одним движением допил остатки. — Короче, я в душ и домой, не засиживайся тут.

Дверь за ним негромко закрылась, отчего я остался один.

Лампы на потолке светили особенно ярко.

Молча собрал сумку и двинулся на выход.

Прошёл мимо гудящего автомата с водой, попрощался с пожилой уборщицей, моющей полы. По дороге закинул шоколадку вахтерше за то, что позволила чуть задержаться.

На улице в принципе была прохладная осень. Закатное солнце уже давно скрылось за чернотой туч, машины лениво жужжали по мокрому асфальту. Большинство людей ушли домой, а на тротуарах оставались в основном мимокрокодилы.

Домой...

Интересная мысль получается: Михаил даже не спросил, есть ли у меня кто-то — предположил. С полной уверенностью, словно в этом возрасте это уже не вопрос, а настройка по умолчанию — работа, квартира, увлечение, значит, и девушка должна прилагаться.

Но что, если человек не тратил время на отношения?

Помню, было что-то схожее в шестнадцать лет.

Уже не помню ни имени, ни лица, ни образа, ни то, как все завязалось — как-то решили собраться все за городом. Девушки, парни, музыка и так далее.

Потом как-то само собой оказались вдвоем. Даже имени друг друга толком не знали.

Дальше все произошло слишком банально, чтобы запоминать подробности.

На утро она исчезла, не сказав ни слова.

Обидело ли меня это? Да нет. Я уже достаточно наслушался историй и от друзей, и от знакомых о том, насколько мимолетными бывают подобные связи.

К тому же она была пьяна, а я трезв.

Ошибка, которая могла вылиться в испорченную жизнь.

Хорошо хоть заявление не написала. Здесь мой просчет, признаю. В следующий раз, наверное, стоит требовать письменное согласие... желательно в двух экземплярах. С фотографией.

Шутка — хватит и одного.

После этого были и другие: некоторые длились одну ночь, некоторые — несколько недель. Все равно все они заканчивались одинаково: без скандалов, без обещаний, желания увидиться снова.

Это даже отношениями назвать с натяжкой нельзя было — мы нужны были друг другу только для удовлетворения половых потребностей.

Расстраивало ли это?

Скорее... удивляло.

Я не испытывал какой-то пустоты после расставаний. Не ждал сообщений, не ловил себя на мысли, что скучаю по человеку. Просто в какой-то момент понимал: на этом все.

И другая сторона, судя по всему, чувствовала примерно то же самое.

Хм.

Забавная вещь получается.

Все вокруг твердят, что в молодости отношения редко бывают серьезными. Мол, люди ищут себя, ошибаются, меняются, расстаются.

Допустим. Но тогда откуда потом берутся семьи?

В какой именно момент *мимолетное* вдруг *становится постоянным*?

Когда человек перестает искать следующего и решает остаться с тем, кто рядом? Это происходит постепенно? Или однажды просыпаешься и понимаешь, что больше не хочешь уходить?

Не знаю.

Пока что мне подобного не встречалось.

Да и вряд-ли узнаю: прошел тот возраст, когда люди спокойно относятся к ошибкам — все ожидают уже человека опытного, понимающего, разбирающегося в тонкостях и малейших намеках от партнера.

А что, если человек не получил этого опыта? Не считал отношения чем-то обязательным? Не потому что бегал от него. Просто... не сложилось.

«Просто». Удивительно удобное слово, способное объяснить и опустить одновременно всё: просто не хватило времени, просто не дружили, просто устал.

И ведь не скажешь же, что говорящий соврал — иногда этого действительно достаточно. Что ж, учиться новому, переосмыслить взгляды никогда не поздно.

Вот только с каждым годом желание специально искать этот опыт становится всё меньше.

Найду своего человека — замечательно. Буду тупить, ошибаться и постепенно разбираться.

Не найду — тоже не трагедия: готовить умею, стирать тоже, а раз в неделю поднимать пятую точку, чтобы не превратиться в пыльную мумию подавно.

Остальное... Переживу.

Я остановился, чтобы выкинуть жестянку в ближайшую урну.

Забавно выходит — почти все решения в моей жизни принимались не потому, что я был сильно в них уверен. Скорее наоборот, мне хотелось узнать, во что это все выльется, не спеша плывя дальше по течению.

Так я когда-то пришел в волейбол.

Так поступил в медицинский.

Так знакомился с людьми и также однажды незаметно терял их.

Мне никогда не было интересно получать ответы на вопросы личной жизни — посмотреть, что принесут они сами, было гораздо привлекательнее.

Никогда не строил долгосрочные планы на личную жизнь — всегда обязательно появлялось что-то, способное перевернуть все с ног на голову, а если не появлялось, то значит, скоро появится.

Иногда это был случай. Иногда — люди. Иногда — собственная глупость.

Самое странное — каждый раз все равно идешь смотреть, прешь напролом чисто из принципа узнать, что будет дальше.

Все мои самые большие ошибки, провалы, успехи и дорогие мне моменты в жизни начинались одинаково: не с глупости, не с отчаяния, даже не с надежды.

Но всё равно...

Любопытство — странная штука. Очень.

Настолько, что может заставить тебя рассуждать прямо перед заранее принятым решением.

И всё-таки мне интересно...

А что было бы, если бы тогда я просто прошёл мимо?

Глава 1 — Зачисление в университет Кантерлота

Спросите меня потом, зачем я это сделал.

Вошел и вошел в портал — ведь если он открылся, значит для того, чтобы кто-то зашел. Это как дверь.

Приключение на двадцать минут, не иначе.

Ощущения были сродни прорыву через густой колючий и холодный гель. Шея почувствовала прямо весь спектр, отчего как могла вжалась.

И, как новорожденный теленок я, ослепший от яркого света и потный от неожиданных ощущений, вывалился из чрева выхода.

Прямо на твердую поверхность, предварительно проскользив по ней небольшое расстояние.

Звуки не сразу начали считываться внутренним ухом — я слышал, но не слушал. Все слилось в какое-то гудение и свист.

Вот только ноющие ссадины на коленях и локтях сразу отдавались в голове ощущением ноющей боли.

Неприятной, но отрезвляющей.

А я-то думал, все будет гораздо проще, будто пройти за дверь или через тонкую пленку мыльного пузыря.

Ладно хоть не вырвало.

Но даже не открыв глаза, ощущения были новыми — тело словно потеряло килограмм двадцать, руки стали короче, как собственно и остальное тело.

— Хоспади, — прошипел я, кое-как размяв челюсть и продрав слезящиеся глаза.

Стоял я на четвереньках, а передо мной здание. Хотя не то, чтобы здание — я бы сказал, замок — остроконечный башенный пик высил из четырехэтажного корпуса. Красный кирпич своим цветом больно бил по глазам.

Спасибо, блин, что не Хогвартс.

— Эт еще кто? — послышалось сверху. Низковатый женский голос с каким-то явным деревенским акцентом.

Я развернулся по направлению звука.

Позади меня стояла статуя коня, застывшего в возбужденных махах копытами на высоком постаменте. Выше меня точно.

— А? — не успел я поднять голову, возле меня прыгнула девушка, блондинка.

— Эй, Сансет, смотри, кого-то притащило от Твайлайт! — крикнула она куда-то в сторону.

Блондинка была высокого роста, стояла, расправив плечи, голова украшена ковбойской шляпой, а выпячивающийся бюст скрыт клетчатой рубашкой.

Хотя из-за своего положения полулежа на спине с опорой на руки первое, что я увидел, были высокие сапоги из кожи, точно ковбойские.

Да ну, тут есть люди с нормальными волосами.

Действительно важная информация, учитывая мое не самое лучшее нынешнее положение.

— З... дравствуйте, — выдавил я кое-как и, кривясь, с неуверенностью встал на ноги.

Потряхивает меня нехило так — головокружение, прошу, изыди.

Блондинка, а лучше будем называть ее ковбойка, не пошевелилась и просто стояла, ждала чего-то, не обращая на меня больше внимания.

Чуть я пошатнулся в сторону от невозможности удержать равновесие, она тут же придержала меня за футболку.

Ещё и неприятное легкое чувство тошноты от расхождения анализа сигналов, получаемых от вестибулярного аппарата...

— Не спеши, сахарок, мы гостей не ждали, — восприняла она это как попытку сбежать.

Вгляделся в её лицо: под зелеными глазами у нее были веснушки, кожа загорелая даже чересчур.

По привычке, я не расшаркиваюсь на формальности типа *вы, ты...* Ничего пред рассудительного в том, чтобы просто говорить с девушкой моего возраста без реверансов не видел. К тому же, ничего опасного вокруг не замечал — звезды шерифа, там, или пистолета.

Однако не мог не спросить:

— Извиняюсь, я что-то нарушил? Попал на частную территорию?

Говорить то, что я нарочито вошел в портал, попал в другой мир, измерение — не важно — все равно, что сдать с поличным.

И ведь никто всерьёз не воспринимать не будет настоящую причину — придётся выкручиваться своими же силами.

Как говорится, заварил кашу — будь добр её же и разваривай.

А вот придётся ли тебе в этом случае половником вычерпывать именно кашу, а не неприятную субстанцию, уже никого не волнует.

— А я вообще где? — этот вопрос стоило задать сразу.

Сам же слегка прикрыл глаза тремя пальцами, все ещё не отделавшись от неприятного ощущения — во рту стало подозрительно щёлочно с неприятным вкусом.

— Сансет! — снова крикнула она. — Давай скорее!

— Ты вообще к кому...

А потом понял, когда обернулся. К нам быстрым шагом шла еще одна девушка. И первое что бросилось в глаза — ярчайших цветов прическа: красные, попеременно с желтыми, локоны, завитые и свисающие до самого копчика.

Ну сразу ясно — девушки на Земле за обычнейшее место в очереди на такую возможность друг другу глаза повыцарапали и ногти поотрывали бы.

Однако ее взгляд был прямо скажем не очень дружелюбный.

Невольно мне даже не по себе — полиция междумирья что-ли?

Класс, только попал в новый мир и сразу же за футуристичную решётку...

— Курьер от Твайлайт? — спросила она у ковбойки, указав в мою сторону. Ещё бы тыкнула прямо в меня — прям вообще фулл-хаус был бы.

Но та в ответ лишь пожала плечами, покрепче схватив за футболку.

Да не собираюсь я убегать... пока что. Зачем из меня личность злодейского злыдня делать — у меня нет ни оравы желтых палочек, ни глаз на ножках.

Взгляд огневолосой переместился на меня. Ее сжатые губы и сведенные вместе брови намекали, что если я не курьер от какой-то Твайлайт (Сумерки, серьёзно? Псевдоним?), то делать мне здесь нечего.

— Чего забыл здесь? — спросила она без расшаркиваний.

Станный у нее стиль однако: поверх воздушного голубого платья она носила черную короткую куртку с несколькими оранжевыми полосами.

Не мне за моду судить — что человек хочет надевать, то и носит.

— Судя по вашей реакции, я оказался там, где не должен был, — я пожал плечами, кратко рассматривая окрестности. Красивый, чистый, относительно урбанизированный вид. — А где, собственно, я?

— Раз сюда попал, то должен был знать, — процедила она и осмотрела меня со всех сторон. Довольно грубо, то и дело поворачивая меня нужной ей стороной.

Чего она такая злая? Я ещё руки в сторону выставил, чтобы в случае чего и шмонать было легче.

Закончив, она скрестила руки, вновь недовольно спрашивая:

— Ты помощник Твайлайт? Книжный носильщик?

Как пластинку заело...

Интересно, их не волнует тот факт, что перед ними вывалился так называемый межпространственный путешественник. Больше интересуется тем, пришел ли я от кого-то, кого они зовут Твайлайт...

Неужели здесь есть могущественные волхвы, способные на колдовство такого уровня?

Подумал так, будто сам владею волшебством, хех.

— Нет, — покачал головой, машинально попытавшись засунуть руки в карманы кофты — их, да и её вообще не было. — Можно мне узнать, где я нахожусь? — старался выглядеть как можно более нейтрально.

Хотя если присмотреться, можно было заметить волнение — мои глаза слишком часто и резко меняли точку интереса, долго высматривая интересующее.

Огневолосая была непреклонна — она даже не изменила выражения лица и монотонно сказала:

— Сначала — кто ты такой и что тебе здесь надо и живее.

Угрожающий тон звучал немного комично, что ты мне сделаешь? Схватишь? Ладно.

Тем не менее, это всё-таки другой мир — не хватало здесь ещё разозлить какую-нибудь важную персону. Ещё вырвет несуществующую (на Земле точно) душу и посадит на эксперименты.

Хотя её изначальное негодование мне не нравится — неоправданная, на первый взгляд, пассивная, временами открытая агрессия. По крайней мере, с моей точки зрения, уж точно.

Я рассказал им как обстояло дело.

— То есть ты не из Эквестрии? Ты не пони?

— А что, похож? — удивился я.

Абсурдность вопроса меня прям бросила сразу на иронию, да и чего она такая злая? Не буду я ваш мир поней захватывать — отстаньте.

— Та-ак... — она отвела взгляд в сторону, будто я озадачил её чем-то неподъемным, — ты пойдешь со мной.

— Ты обещала сказать, — напомнил я.

— Тут не далеко, — она легонько направила меня прямо в стенку статуи, — заходи.

— Куда? Обратно в стенку?

— Да, Эйджей, ну-ка помоги.

Сахарок, — ковбойка взялась за оранжевое ожерелье в форме яблока и легким движением подняла меня за воротник на несколько сантиметров над землей.

У меня прямо дыхание сперло.

— Эй, хорош, хорош! Сам могу! — я потряс ногами, смотря на холодной взгляд огневолосой.

— Давай его в портал.

— Агась.

Она ожидающе встала возле стенки статуи. Они просто меня бросят что ли в стенку?

Долго размышлять мне не пришлось — ковбойка, качнув меня на ветру в сторону, с размаха бросила в постамент статуи.

Во второй раз за столь короткий срок моё тело вновь ощутило ощущение полета.

Метровое расстояние я пролетал по ощущению секунд пять: каждый кадр откладывался в мозгу, а глаза при приближении с наполированным гранитом сжались, способные перекусить гвоздь.

Сейчас будет больно.

Но даже сквозь зажмуренные глаза, я ощутил яркую вспышку и последующий за ним электрический звук. Положение тело резко изменилось в пространстве, голова закружилась.

А затем как началось.

По всей поверхности тела возникло невидимое ощущение давления, которому сознательно сопротивлялось тело: лицо как будто пытались согнуть, вытянуть, сделать плоским; во рту ковырялись, тщетно пытаясь вытащить, заменить и добавить лишнее. Затем со страшной силой потянули пальцы в попытках вырвать их — не вышло, отчего в ту же секунду их пытались раздавить вместе с кистью, сделать единым целым. Корпус же непрерывно били отбойным молотком.

Внезапно несуразное издевательство над моей целостностью прекратись, после чего меня вновь выплюнуло как попало.

— Бля! — вывалилось из меня, как только я закончил пролетать по твердой поверхности.

А сам, сжав губы, сдерживался, чтобы не схватиться за разошедшиеся ссадины, которые, не вытерпев отсутствия снисходительности второго захода, пропитали кусочки черной ткани кровью.

Вдалеке возник стук копыт, черт их подери?! Что вообще происходит?

Я был в каком то зале из голубого камня, по его площади стояло туча книг, собранных в высокие башни, в окнах брезжил яркий свет — он же и освещал все пространство.

Бардак творческой личности, точно.

Позади послышался электрический звук, ударивший резко, как гитарный аккорд. Мерным шагом оттуда вышла лошадь.

С огненной гривой, как у той девушки.

Лошадь, однако, была какой-то низкорослой, да и морда маленькая, больно круглая. Шерсть остального тела была рыжеватой и короткой.

То, что мне попало в глаза, тут же поразило все нервные центры, заставив заискриться одну мысль с невероятной скоростью:

— Это что за хуйня? — вылетело у меня быстрее, чем попытался поймать.

— Твайлайт! — крикнула она.

— Это что такое вообще? — я не смог встать и повалился в характерную позу, держа живот.

Внутренности желудка вышли наружу, окрасив пол в прозрачную бесцветную жидкость — никакого перекуса ближайшие часы я не делал.

Рука утерла длинную вязкую слюну сантиметров двадцати, которая категорически отказывалась сплевываться.

Говорящие пони, мать вашу! Охренеть не встать!

Ладно хоть неразумная жизнь, основанная на кремнии — тут можно было бы сразу застрелиться. Или нет. Не важно.

Пора успокоиться.

— Ты что, конь? — со скепсисом спросил у этой огнегривой, пытаясь потрогать лицо конечностями.

Лицо привычно ощутило излишне мягкую подушечку пальцев, а те, в свою очередь, — угловатости: нос, губы, рот и ухо.

— Угомонись уже, а. Сейчас все выясним, — не глядя ответила она.

А не надо было меня силов заталкивать внутрь спиной к порталу! Я-то от последнего перехода еще не отошел физически, вы меня в новый бросаете! И вообще, это что за бред, почему люди превращаются в поней?

Огнегривая ловко спустилась, перебирая копытами по небольшой лестнице. Хвост у нее был ровно тех же цветов, что и грива на голове.

Уж я не знаю зачем я посмотрел... Но под хвостом явно было все то, что должно было быть у кобылы.

Научный интерес оказался сильнее инстинкта самосохранения.

Вывод сделан — повторять эксперимент не хочется.

Господи... какой же это всё-таки сюрреализм.

Мотнул головой, стряхивая недавнее событие. Только сейчас заметил, что я был наряжен в полностью черную, как уголь, одежду.

Все еще не мог встать. Задние ноги предательски ощущались желейними, корпус ощущался туго забитым ватой — лишь руки и голова чувствовались нормально. Да и то не полностью — стоило опереться на ладони, как частично ободранная кожа неприятно заныла.

В общем, организм коллективно запротестовал на резкий подъём.

— Да где ее носит... — огнегивая остановилась под короткой лестницей, покрытой красным бархатом.

— А? Да я встать не могу, что за приколы у вас тут? — все ещё не унимался я в попытках выдать информацию. — Почему ты лошадь?

— Хватит спрашивать — вставай. Чего ты разлегся там как...

Она резко осеклась, увидев мой облик. Несколько секунд вкопано стояла, держа в воздухе одно из передних копыт.

Привычное недовольство утонуло в очень, очень большом замешательстве: глаза в блюдца, уши расширены, рот открыт.

— Это ещё что такое? — медленно моргнула она.

— Хотел бы знать, что тебя так удивило, — я поморщился, приподнимаясь на локтях. — Меня, между прочим, два раза через магическую мясорубку пропустили. Чем-то обкурился что-ли — разговариваю с говорящей цветной лошадкой... — пробубнил я.

— Пони, — шикнула она, выходя из ступора и подходя ко мне, — а не лошадь... Чего, правда не можешь встать?

Я, предварительно глубоко вдохнув и выдохнув, напряг все какие мог мышцы, а затем, перетерпев боль в коленях, выпрямился.

— Ну... Это довольно, — я дышал как дед, — п-проблематично. Ладно, проехали.

Я наконец-то более-менее словил отходняк, потому взирал с высоты человеческого роста.

— Интересно, — я хмыкнул, смотря на оранжевую пони.

Вследствие разницы в нашем росте она оказалась на уровне таза, паха или, если быть точнее, ремня, отчего ей приходилось очень комично закидывать голову назад, чтобы смотреть мне в лицо.

На удивление, на травоядное мой рост не оказывал какого-либо пугающего действия.

Логично — она же вообще, вон, минут пять назад была человеком и очень хорошо управляла телом.

Сама же... девушка?.. В общем, пони женского пола принялась расхаживать вокруг меня, то и дело тыкая копытом в разные места и потягивая за одежду.

— Ничего не понимаю, — она брыкнулась или что-то такое. — Зеркало должно было тебя трансформировать в любом случае...

— Может, в таком случае позовешь тех, кто разбирается? — спросил я, когда она села на пятую точку и о чём-то задумалась.

— Славно, уже язвить начинаешь, — надавила она на колено, отчего оно слегка прогнулось внутрь. Вот говорят же, не стой сзади лошади — может шандарахнуть со страшной силой? Может подстроить эту фразу под человека: не трогай колени человека, а то получишь по морде носком или пяткой по виску. — Стой, как стоишь... Значит, это место тебе не знакомо?

— Да я бы сразу сказал, — застучал я зубами от прохлады в помещение. — Что это вообще за место такое?

— Замок Твайлайт, — сказала она. — Если сейчас выяснится, что не она тебя отправила, а это так и есть, будем думать, что с тобой делать.

— А какие варианты? — надо заранее просчитать отступление; ох, в историю я вляпался знатно.

Огнегривая сощурила глаза, недоумевая над моим ответом:

— Что, думаешь, как бы обмануть меня?

— Нет. Предпочитаю заранее понимать степень, м-м-м, как бы помягче сказать, своих проблем.

Она комично согнула рот — это стало напоминать улыбку. Но улыбку-то лошадиную! Нисколько это не прибавило милоты ее образу.

А ведь все равно найдутся любители-ксенофилы.

— Волнуешься... Это хорошо, мы же оба не хотим проблем, не так ли?

— Было бы странно не волноваться, — пожал я плечами. — День как-то не располагает к душевному спокойствию, да и вообще, — я щелкнул пальцами и указал на неё, — где эта твоя Твайлайт?

— Точно волнуешься, — ехидно просмеялась она.

Из-за башен книг вылетела стопка листов, окруженных фиолетовой аурой, а под ними мерно шагала еще одна «пони» фиолетового окраса и синей гривой с малиновой прядкой.

А так это не пони. Единоро... У нее и крылья присутствуют. Пегас-единорог! Пегарог? Единогас?

— Сансет, что случилось? — проговорила она беспокойным, почти материнским голосом.

Огнегривая Сансет указала на меня:

— Этот тебе тут не попадался? Залетел к нам буквально минут десять назад — говорит, человеком был, зашел в портал. Ни в чем таком не признается, при себе у него ничего нет. Я подумала, может ты отправляла кого...

Фиолетовая пони Твайлайт не дослушала, а уже на всех порах мчалась в мою сторону — морда у нее была крайне возбужденная и заинтересованная.

Я только широко раскрыл глаза, испытывая странное чувство повышенного внимания.

Так бывает, когда это самое внимание к тебе проявляется просто с ничего. Особенно в ситуации, когда ты ничего не понимаешь.

— Поразительно! — она крутилась вокруг меня, то и дело тыча копытом в ногу, прощупывая кожу и волосы. Даже живот облапала — для этого ей пришлось вставать на задние конечности, на которых она неплохо балансировала.

Неожиданно, кто-то спустил заднюю часть штанов, оголяя половину ягодиц.

Никогда не был так благодарен рукам в карманах — именно они не дали оголить переднюю часть. Было бы немного неприятно из-за социальных норм людей, но, как мне кажется, этим существам все равно. Вон, голыми расхаживают и ничего.

— Ты глянь, у него даже метки нет.

Она ткнула мне под самую пятую точку. Я оглянулся посмотреть.

Взгляд тут же переместился на аналогичное место у этой Твайлайт. Там красовалась шестиконечная розовая звезда, вытянутая, острая.

— Твай, давай по порядку — я не для опытов тебе его привела, — возмутилась Сансет. — Если не ты его посылала, ему тут тогда не место. Вдруг он носитель темной магии или очередной посланник Свирла Бородатого?

— Ты всегда настороже, — не отрываясь от собственных наблюдений, фиолетовая пони продолжала крутиться вокруг меня, — смотри, он же безобидный!

Я качнулся от внезапного толчка крупом в протертое бедро.

— Ай, — показал я, что больно, отчего Твайлайт уже хотела начать извиняться, но я уже прервал её: — Ну да, безобидный, — повторил я, выгибая бровь, — а что, сразу не видно было? Может, вернемся назад, а?

— Это зачем тебе назад, ну-ка? — Сансет медленно пошла в мою сторону.

И тут рог на ее голове, который я тоже не сразу заметил, охватил рыжий свет, переливающийся бурлящей водичкой.

Я сглотнул — поступь выглядела угрожающе. Не хватало мне ещё того, что меня магией прям тут расплющит.

Как будто в дуэльный набор в демоническую секту против местного гения культивирования попал.

— А-э-э, — язык заплелся сам собой, отчего вышел протянутый звук. Ну же, надо выкручиваться! Она вот-вот в меня магический шар запустит, и пиши пропало — Потому что я че... ло-век? Мне приятнее находится среди своих? Пони, конечно, красивые, но люди...

— Правда, Сансет, ты чего? — возмутилась Твайлайт.

— Да вот мне кажется, что он больно хитрый — по глазам вижу, а ну-ка!

— Сансет!

Крик фиолетовой единорожки-пегаски я уже слышал издалека, так как взмыл под самый потолок этого странного помещения. Пол был так далеко, что у меня ноги заранее начали ощущать будущие переломы. Сзади я чувствовал, как меня, будто заширку, держит этот рыжий свет.

— Говори, быстро!

Меня начало мотать из стороны в сторону, пространство проносилось как на аттракционе, а голова на длинной шее совсем потеряла опору и билась то об грудину, то об спину. Начало подкатывать чувство тошноты и тяжесть от перегрузки. Ныло так, что я думал наблевать прямо в воздухе, если бы было чем.

— Да, а. ... аа-а...а, бля-ять!

— Сансет прекрати это!

Я внезапно остановился. Голова под своей тяжестью повисла на едва держащих ее мышцах. Великое существо нынешнего мира, помилуй душу грешную, почему они такие странные.

Как-то сквозь этот цирк я упустил необъяснимое свечение, которое ничем иным, как магическим, не назовешь. Только на фоне все этой чехарды с космическими перегрузками тела это казалось настолько мелочью, что даже не поселилось в голове на секунду.

Мое тело охватило сразу два пятна жидкого света. Фиолетовый свет очень быстро вытеснил рыжий.

И меня плавно опустили на землю.

Твайлайт тут же распахнула крылья и наставила свою разъяренную морду на Сансет.

— Ты в своем уме?! — крикнула она. — А если он прибыл с добрыми вестями, а?

— Пра-а... льно...

Сансет потупила взгляд в пол, хвост у нее опустился и прижался к ногам:

— Я решила проверить наверняка, тем более — он же цел, все с ним в порядке.

Она кивнула на меня, лежащего на спине с глубоким, шумным дыханием и раскинувшегося звездой.

— Надеюсь, — Твайлайт сложила крылья и подошла ко мне. — Ну и? Ты как?

Я, хлюпнув, кое-как задвигал язык, пересчитывая количество зубов, и размял челюсть:

— Спасибо... мне уже лучше.

— Все, Сансет, он остается у меня.

Сансет внезапно встрепенулась:

— Что? Нет... нет-нет-нет! Он прибыл в наш мир!

— Мне нужно его расспросить!

Дамочки принялись грызть друг друга взглядом:

— Нечего у него расспрашивать, Твайлайт, — он бывший человек, разве ему будет нормально жить среди пони? Он же совсем ничего не знает про местные порядки.

О каких порядках они болтают? Но щипать траву я точно не буду, и вообще, надо быть помочь это Сансет, чтобы она меня забрала отсюда — взгляд этой Твайлайт, пока она меня осматривала, был уж больно возбужденным.

Упомянуть банальщину в лице моего нежелания лишней раз жить с пони, пока есть возможность жить с людьми, не стоит и речи.

— Минуту назад ты хотела разmozжить его о стену, Шиммер.

— Потому что я не знала, кто он такой! Ты меня разубедила, Твай, — она задрала голову, — я разберусь дальше, в моем мире — мои правила!

Твайлайт сощурилась, будто пытаясь понять — не лжет ли она.

— А ты что думаешь, а? Как тебя там зовут?

— Шяфа, — местный язык не сразу поддался в сторону более выразительных и твердых согласных. Удивительно, но мир, где красно-желтая пони была человеком, и этот использовали одну и ту же мелодично поющую версию. — Сява я, Сява... Честно, как-то не подстроен у вас язык под такое произношение — непривычно.

— Сява? Что за имя такое, — нахмурилась Твайлайт. — Будешь Сывой, нет, Сыром.

— Тогда уж Чизом, — вставила Сансет.

— Такой уже есть, — Твайлайт задрала голову и приставила копыто к подбородку, — Чиз, чиз... Шиз!

Ой, ну нет — они что, не знают, насколько это идиотское имя? И чем им мое не понравилось?

— Может, все-таки Сява? — я вновь произнес своё имя, смакуя каждый атом, фонетический звук, выбивающийся из этого мира.

До этого речь местных текла иначе — мягче. Слова цеплялись друг за друга, почти не обрываясь на согласных. Даже когда эта рыжая ругалась или язвила, её язык звучал скорее как песня, чем как перепалка.

А моё сокращение от имени... «Ся-ва». Коротко, резко, почти с рывком на первой букве.

На мгновение показалось, будто произнес что-то не из этого мира. Технически, оно так и было.

— Риз! — вдруг крикнула Твайлайт. — Ризен Блэк! Он же черный с красными вкраплениями!

Каво, чаво...

— Не хочу быть Райзенем, — категорически не согласился я. — Мне не нравится.

— Почему? — равнодушно спросила Твайлайт.

— Повторюсь, мне не нравится. Уж лучше другим псевдонимом меня называть, например...

А как реально представиться перед ними?

Невольно приложил руку к подбородку, отдавшись раздумьям.

Настоящее имя точно оставляю при себе. Мало ли что случится. Фамилию с отчеством тем более нет смысла — там ещё похуже чего на местном будет.

Почему-то нынешняя ситуация вызывала ощущение игры или какого-нибудь форума, где видеть то, как кто-то обращается к кому-то по имени в интернете, — неприятно. Не знаю, почему, но оригинальными прозвищами лучше не светить лишней раз.

Разве что только в случае большого кредита доверия от меня кому-то.

Хотя зачем кому-то знать мое настоящее имя?

Хм, как насчёт Зефира? Легкий летний ветер, приносящий прохладу, способный остаться рядом, а также небольшая ассоциация с одним из гонщиков... Пока остановимся на этом.

— Зефир, — выдал я.

— Уже занято, — тут же ответила Твайлайт, перебирая листы невесты откуда взявшегося блокнота.

Я тяжело вздохнул.

— Ладно, минус одна идея...

— Тогда... — фиолетовый единорожка нашла нужный лист. — Скай? Винд? Клауд? Или...

Сансет только сделала круг глазами, явно не понимая, почему эта единорожка-пегаска так уперлась в придумывании моего имени

Дальше я её уже не слушал, потому что мне неожиданно стукнула в голову ещё одна идея — я же сказал минус одна идея, да? А что насчёт минус одной буквы?

— Эфир, — прервал её нескончаемый поток разъяснений и объяснений, отчего она аж запнулась.

Забавно, исчезла одна буква, а ощущение уже совсем другое.

Даже шутить не будут, мол, Зефир — сладость вкусная, а не ветер.

Скорее что-то легкое, почти невесомое.

То, что свободно крутится вокруг и нельзя удержать в руках. То, что невозможно удержать силой.

Но иногда, *если совпадут нужные условия*, даже самый свободный пар превращается во что-то, что можно держать в ладонях.

Некоторые вещи *сами оседают там, где им действительно хочется быть*.

— Оно не занято, но я бы все равно рекомендовала бы...

Твайлайт не закончила мысль, переминаясь с лапы... с копыта на копыто, словно одновременно и уважала мой выбор, и хотела помочь выбрать другое.

— Пусть так, Твай... — устала произнесла Сансет, лениво зевая от всего этого затянувшегося спектакля. — Я могу его забрать?

Рог Твайлайт вспыхнул ярким светом, а меня словно за шкурку подняло и аккуратно поставило на ноги.

Твайлайт медленно переставляя ноги и виляя задом, пошла мимо Сансет, одаривая подозрительным взглядом:

— Не думай, что я так оставляю это — я сделала это только потому, что занята. Рано или поздно, я приду к вам и проверю все ли в порядке с ним. Ты поняла меня?

Две разноцветные пони всерьёз спорят, кому достанусь я? День определенно складывался интересно.

Ругались они, кстати, подозрительно по-человечески — только хвостами дергали чаще.

— Хватит меня учить, — выдохнула Сансет недовольно, — мы уже давно справляемся сами!

Твайлайт остановилась. Задумчиво опустила голову, крылья слегка приклонились к полу:

— А я была рада тебя видеть, Шиммер.

Взгляд огнегривой был на моих глазах, попеременно смотрящих то на нее, то на пегаску-единорожку. Затем погрузился и опустил.

— Я тоже, прости.

Они развернулись друг к другу и, спустя небольшую паузу, заулыбались, потерявшись лбами.

Ничего страннее в своей жизни не видел. Так значит, эти двое подружки, но уж больно давно разделенные временем, а я тут, красавец, стал камнем преткновения.

— Пошли, — Сансет искасила рот улыбкой. Интересно, как они зубы чистят? — Эфир.

— Секундочку, — я наклонился и поднял с пола небольшую монетку, блеснувшую между плитками.

Студенческие рефлекс просто так не исчезают.

Вздохнув, Сансет подожгла рог и бросила меня в зеркало.

Все повторилось как тогда. Только теперь я, обученный на ошибках прошлого, избежал удара подбородком о «приятную» твердость камня, из которого была выстлана площадь перед статуей, погасив инерцию перекатом.

И судя по тням, которые образовались вокруг полусидячего меня, мое появление собрало большую толпу. Люди вокруг начали перешептываться, пока я отвечал им молчаливым переглядыванием.

Как славно, что тот кошмар кончился — я снова человек в мире людей, на мне и других одежда, скрывающая...

— А ну все разошлись, — голос Сансет был оглушительным для такой девушки, — ничего интересного!

— Это вообще кто? — хриповатый, но звонкий голос приблизился ко мне.

Твердая, но сухая рука приподняла меня за подбородок.

Радужные волосы...

— Приветствую, — сказал я.

Спортивное лицо девушки с голубыми бровями скривилось, веки прикрыли малиновые глаза.

— Дэш, не надо, — Сансет схватила ее за руку, — пусть оклемается.

— Да кто это? — возразила она.

— Наш гость, — даже не видя, я знал, что она была недовольна такой формулировкой.

— Лучше помоги мне разогнать зевак.

Меня схватили за плечо и подняли на ноги.

— Это что, парень? — вновь спросила радужная спортсменка.

Почему спортсменка? Да все очень просто: одного взгляда на развитые мышцы ног, рук и плоский живот с явно выраженным прессом было достаточно. А живот она не прикрывала. На ней был только легкий черный топик и фиолетовые шорты, ступни вдеты в сланцы. На плече было зеленое полотенце.

Отвлек от похода на пляж.

— А то не понятно, Дэш. Разумеется, парень.

— Вам нужны какие-то доказательства? — выпалил я.

Не то, чтобы я собрался вываливать из штанов доказательство, но мог сказать что-то на мужицком, какую-нить особенную вещь — долгие диалоги с Михаилом, тем пузатым пивожом, научили меня некоторым штучкам.

— Нам не требуется, — шикнула Сансет, — и следи за своим языком.

— Я так понимаю, ты аналог местного лидера что ли? — смекнул я, довольный развитием ситуации.

— Не важно, — она протолкнула меня вперед, к зданию из красного кирпича и с остро-конечной башенкой.

Краем глаза успел увидеть надпись на табличке, которая была воткнута в траву.

Чем-то напоминала искусственную — настолько ровная, манящая надеть бутсы и сыграть в полноценный матч.

Canterlot University

— Да хватит уже меня шпынять! — я вывернулся из ее захвата под руку.

Позади толпа все еще перешептывалась.

Мы остановились. Высокий паренек с темно-синей острой прической и заинтересованным взглядом усмехнулся и положил руку на плечо девушке с радужными волосами. А затем повел ее прочь.

— Чем голосить лишний раз, лучше бы спасибо сказал, что я вытащила тебя от Твайлайт и обреченности попасть на вечные опыты... Не все разошлись... Мы все уладили уже!

Толпа продолжая восклицать и что-то шептать медленно начала расходиться.

— Ты меня сама туда затащила. И что теперь? Что за место такое? — я указал на табличку, где среди незаметного было заметное: — Буквы-то английские, что за штат?

— Мейнхеттен, Эквестрия, округ Кантерлот Хай... — вздохнула она, словно объясняла что-то совсем уж откровенно тупому человеку, — Пошли в отдельную комнату, там и поговорим.

Мое знание английского хоть и не было на уровне London is the capital of Little England, но звёзд с неба не хватаю. Да и не помню, чтобы у нас так болтали свободно на английском на улицах Чебоксар.

Может, это Чебоксары будущего? Киберслав 2077?

— Нам кто-то мешает? — я осмотрелся по сторонам. — Чем мы можем друг другу помочь?

— Ты — ничем. А вот я много чем могу помочь, только если прекратишь препираться и придуриваться!

Звучало справедливо, гость-то я неожиданный. Вернуться теперь вообще не понятно как — раз я вылез из этой статуи, теперь она ведет к той лошадке в замок. Хотя может порталы работают как-то более замудренно(так оно и есть), а не на уровне дверей.

— Ладно, любопытно посмотреть, что у вас за балаган.

Она цыкнула и устремилась в сторону стеклянных дверей входа в это огромное здание. Газончики вокруг лежали аккуратно, залитые солнцем. Присмотревшись к траве, она все еще казалась необычайно яркой и цветастой.

Но я доберусь до нее и пробегу по ней.

Перед самыми дверьми я тормознул, так как наконец увидел свое отражение. И офигеть не встать, что натворил это перенос! Где тот спортсмен, где рост, где мышцы — ничего! Выгляжу как вчерашний школьник в каких-то черных штанах и черной же однотонной футболке. Моя шикарная, по-армейски уставная прическа, а я был брюнетом, превратилась в какие-то два блока* с текстурной укладкой или объемную на макушке с прядями, торчащие в разные стороны... Что это за нагромождение? Состричь, не позориться.

П/А: Two-Block (в русском варианте часто «два блока») — это стильная и универсальная стрижка, которая стала популярным трендом, во многом благодаря К-рор культуре.

Лицо вроде осталось тем же по форме, но моложе, куда моложе. Эх, времена, помню себя таким только поступившим в медицинский. Вот же оболтус был...

— Чего ты там увидел? — крикнула Сансет на середине широкого холла.

— Себя, разумеется. Я тут выгляжу иначе.

— Конечно иначе! А ты думал, что портал перенесет тебя целехоньким?

Ну, некоторые герои — меньшинство, правда, — сохраняли свои тела.

К тому же, в мгновение прохода портала у меня мартышка в голове в тарелки была — не думаешь о таком в этот момент, ты о чем вообще?

— Да.

— Ну тогда, приятно познакомится тебе со своим новым «я».

Интересно, а можно ли так обмануть систему, перескакивая между мирами и получая новое тело? Скорее всего нет, эх...

Вдоволь насладившись своим отражением, которое, как и прежде, у меня вызывало симпатию, я пошел к ожидающей меня Сансет. От нервов она угрюмо вздыхала.

— Ты куда-то спешишь? Я тебя от чего отвлекаю?

— Именно, я как раз собиралась провести вечер в летнем кинотеатре. Должен понимать, что я променяла на общение с тобой.

Нуу не настолько уж я плох. Это даже обидно звучит.

— Это манера общения такая, — мы наконец пошли по коридору. По сторонам стояли шкафчики для студентов, где они могут хранить свои книжки и другое барахло — зелененькие, стенка к стенке, ни царапинки, — тебе непременно нужно общаться с гостем как с помойной крысой?

Кажется, случайно или неслучайно, но моя обида на это возымела эффект.

Она сжала губы и уставилась в шахматный кафель на полу, который быстро перемещался во время ходьбы:

— У нас и до тебя была уйма гостей и ничего хорошего они нам не принесли. Потому я всегда настороже.

Оправдывается? Надо же, это я чересчур ляпнул по всей видимости.

Но вот то, что были другие гости, да и ко мне относительно спокойно относились... Надо бы запомнить.

— Ладно, ладно... А можно вопросы?

— Валяй.

— Здесь все такие цветные? Вы вообще люди или все тут раньше были понями? Почему только я нормально выгляжу? И насколько далеко я влип.

Мы подошли к двери. Сансет остановилась и постучала:

— А ты не видишь? — усмехнулась она, заслышав поток вопросов. — Люди как люди — это ты аномалия просто и вообще — не ты ли хотел жить среди людей, захотелось пони стать? Ещё давно надо было понять, что слово «далеко» уже не совсем подходит — от дома, примерно... на несколько измерений. Самое время попрощаться с прошлым, Эфир.

— Чего? — у меня выбилась усмешка. — То есть как попрощаться? Вы не можете, не знаю, собрать круг магов и в случае бедокура открыть портал и вышвырнуть меня обратно?

— Делать нам нечего ради мошки разбираться с пространственными координатами, — гордо заявила она, после чего зажгла на указательном пальце огонь. — Легче сжечь тебя и дело с концом.

— Справедливо, — согласился я.

А сам нахмурил брови. Стало быть, логично, что порталы — штука одноразовая и дорогая — не получится постоянно держать их открытыми без колоссальных затрат, наверное... Так обрезать все с одной стороны — как-то по инерции мозги все еще рассуждали категориями дом-работа-физ. нагрузка-спать. А сейчас медленно и с хрустом... Да уж, информация этой девчонки и впрямь довольно ошеломляющая.

В любом случае, нет причины жалеть над тем, чего не вернешь. Придется пригласиться здесь, а не где уродился.

Не найдя слов, я только прижал голову к плечу и уставился пустым взглядом в ожерелье на шее Сансет(Закат? Надо же): маленькое, двухцветное пылающее солнце, поделенное пополам изогнутой линией.

— Может, — решила она приободрить, — выяснится, откуда ты взялся, разберемся.

А так реально, в первые минуты подобной информации тебе по большей части может быть и все равно — мозг под адреналином и жадно глотает новое, но ведь вспоминаешь о делах и тут резко бац.

Как например то, что я обещал своему хрому товарищу погулять с ним в парке. Один он будет разве что ковылять до остановки, а потом плюнет.

Да-а, уж. Прости меня, Лева.

— Сансет! — кто-то крикнул позади нас.

Обернувшись, увидел паренька моего роста со светло-синими волосами в черной рубашке и строгих брюках. Смазлив на лицо. Прямо таки очень смазлив, наверное, мечта любой девушки младше шестнадцати.

Он подошел к Сансет и они обменялись поцелуями.

И в этом мире все как у нас — девушки и парни. Классика.

— Мне сказали, ты снова через портал ныряла, чего там интересного? — сказал он, не обращая на меня внимания.

— Да вот, — она отмерила рукой меня, — притащило, знакомься, Эфир... Просто Эфир. Синеволосый недолго думая вытянул руку:

— Флэш Сентри, будем знакомы... Так что, едем в кино?

— Отдам только его в руки Селестии, а там обязательно.

К моей неожиданности, Флэш положил руки на талию Сансет и они засосались.

Я невольно тихо засмеялся, уставившись с улыбкой на сцену. Ребятки... найдите себе номер.

— Жди у входа, — промурлыкала Сансет, когда они наконец завершили.

Флэш кивнул и прямой, строгой походкой устремился на выход.

— Ты уж прости, что мы тут...

— Да нормально все, — отмахнулся. — Чего мы ждем?

Но тут дверь открылась полностью. За ней стояла женщина средних лет. Сразу бросились подведенные розовым цветом глаза и волшебной пышные и струящиеся волосы, длинные как... Останкинская телевышка.

Человек важный, занимающий явно не последнее место в иерархии, потому следует проявить дополнительную вежливость и показать себя с хорошей стороны.

— Здравствуйте, — неизменно сказал я.

— Здравствуй, — сказала женщина, — Сансет? Кто это? Доброволец?

Вот не надо сейчас про добровольцев, она ничего про эту женщину так и не сказала — предпочла губы своего парня.

— Он вам сам все расскажет, ему нужна помощь и никто кроме вас в этом не сможет разобраться.

— Какая именно помощь, — голос этой Селестии был мягкий, нежный, прямо-таки лился в уши и заблаговременно смазывал нервные центры. Ей прямо хотелось доверять. Неужели она ментальный маг? — Как тебя зовут, парень?

— А-э, Эфир? — я посмотрел на Сансет, а та кивнула. — Да, Эфир.

— Очень приятно, Эфир. Проходи, узнаем, чем я могу тебе помочь.

Она отошла в сторону и указала рукой в пространство за дверью, который точь-в-точь напоминал кабинет любого начальника — стол посередине, вид из окна, непрерываемый деревьями, шкафы, стойки, картотеки. Ну и стул, в котором можно покачаться, стоял перед столом, ожидая просителей.

— На этом прощаемся, Эфир, — кивнула Сансет, — директор...

И, сделав шаг назад, она умчала к своему бойфренду.

Спустя секунду я уже сидел на этом стуле. Дверь позади захлопнулась, в комнате повис аромат духов — легких, цветочных. С потолка из вентиляции дула приятная прохлада, а часы отчеканивали секунды.

Селестия обошла меня, поправила пиджак и села за свой стол. Достала ручку, листок и положила перед собой, ненароком мягко обводя взглядом.

Политика мягкой силы?

Значит, давить не будут. Пока что.

Защелкнутые в замок руки свидетельствовали о том, что говорить придется мне. Ничего страшного, привычное дело — иногда самому приходится вытягивать из людей информацию.

А что, собственно, говорить? Какая мне помощь нужна в данный момент? Поесть охота, разумеется. Но судя по уровню представленной помощницы, речь явно не об этом.

Блин, я, конечно, помню первое правило попаданца, гласящее: «Никому никогда не говори, что ты попаданец. В крайнем случае, когда станешь сверхсуществом», но они же итак поняли мою принадлежность к другому миру?

Что ж, значит, так и скажем, а вот уточнять Землю не будем.

— Я не из вашего мира, — сказал я, начиная разговор с признания. — Нашел на улице портал. Понимал, что идея сомнительная... но любопытство пересилило; зашёл.

— Из любопытства? — улыбнулась Селестия, наклонив голову. — Только и всего лишь? Разве в твоём мире тебя ничего не держало? Или у вас такие путешествия довольно часты?

Так кто о мне мог сильно вспоминать? Разве что родители, однако те давно отпустили меня в свободное плавание. Лучший друг? Верю, могу поверить, что будет искать, но боюсь, ему в поисках не светит ничего хорошего — только если не научится голыми руками ткань реальности разрывать.

Я расслабился на стуле, прислонившись спиной к спинке:

— Нет, вообще все это сумбур какой-то — ничего подобного у нас в мире нет.

— Но ты все же зашел, не боялся ли ты, что тебя просто... ну, ты понимаешь.

Сама педагогичность, даже вслух такие вещи упоминать не хочет.

От такого я подобрал всевозможные манеры и сел ещё ровнее, приняв спокойное выражение лица.

Приятно вести диалог с понимающим человеком, а не эмоционально взрывным персонажем.

— Честно говоря, меня это не особо напрягало, — Селестия (Небесная, ого) даже вскинула брови. — Да, я живое существо, поэтому концепция смерти мне противна. Единственное, что мелькало на периферии — если это и произойдёт, то пусть это было бы... безболезненно. В любом случае, мне бы понять мою дальнейшую судьбу и действия.

Селестия, заслушав мой ответ, кивнула.

— Время у тебя на это будет, точно. И раз ты тут, у тебя *явно* есть что мне рассказать, верно? — вопросительно посмотрела она на меня.

А сама пару раз стукнула ручкой об парту, желая услышать продолжение.

— Смотря что вас интересует, — пожал я плечами. — Пока я с трудом понимаю, что конкретно вам нужно, а также как необычайно обычный директор университета может мне помочь.

Селестия отклонилась на стуле:

— Это частый вопрос — ты не первый, кто его задает. Бывал у нас тут один странный паренек, совсем недолго. Элементом Гармонии пришлось, скажем так... перевоспитать его и вернуть на место.

Так, ну вот это закрученная формулировка только добавила вопросов.

— Перевоспитать? — переспросил я. — Это у вас такой официальный термин?

— Скорее дипломатический.

— А не дипломатический?

— Ну же, Эфир, не заставляй даму говорить неприятные слова, — заулыбалась Селестия.

Я же улыбнулся вслед. Значит, местные тоже умеют заворачивать неприятные вещи в красивые слова.

— Кстати, — она вернула нас к теме, посмотрев в сторону двери, — с одним Элементом ты уже познакомился — Сансет Шиммер. Она элемент прощения; может видел и остальные элементы, но это не важно. Семеро девушек стали ими и защищают этот мир от внезапных опасностей вроде твоего вторжения. Наверное, ты заметил, какая нервная была Сансет.

Если семь девушек достаточно для защиты целого мира, то тут три варианта: первый, где проблемы всегда локальны, второй, где каждая из них нереально могущественная, и третий, где опасности появляются всегда рядом с ними.

— Да-а, это так, — откинул руку к подбородку, вспоминая недавние события. — Честно, мне показалось, что она нервничала: пыталась убедить меня в чём-то, однако выбрала очень своеобразный способ выразить это.

Директор едва заметно кивнула.

— Прости ей это, — мягко, но настойчиво попросила Селестия, положив ладонь на ладонь. — На ней большой груз прошлого... Но вернемся к твоему вопросу: ты хочешь понять где ты? Ответ простой — в Эквестрии. Наш мир, возможно, немного отличается от твоего — например, как ты уже заметил, магия для нас вполне привычна, но владеют ею, увы, не все.

Эквестрия. Магия. Другой мир.

Если бы кто-то рассказал мне подобное ещё утром, я бы в лучшем случае покрутил пальцем у виска.

А сейчас сижу напротив директора учебного заведения, который рассказывает об этом как о какой-то бытовой мелочи.

Жаль, что не все, как она сказала(а она могла соврать в угоду безопасности!), владеют магией, тогда бы вообще джекпот словил — где магия, там и фантастические возможности.

Наравне с возможностями подвергнуться магическим пыткам, попасть в бесконечную временную петлю, вечное цукуёми...

Как говорится: «В одно окно смотрели двое. Один увидел дождь и грязь, Другой — листы зелёной вязь, Весну и небо голубое. В одно окно смотрели двое...»

— А что вы говорите, чужаки здесь частое явление? И как, неужели они ничего такого не выкидывают? — припомнил я её слова, сложив руки на столе.

Очень надеюсь, что предшественники не успели натворить непоправимого — отыграются в любом случае на мне.

— А что им выкидывать? — она свела брови. — Они ничего не знают, не понимают, некоторые в своих настоящих телах могли быть птицами или жуками — представь их неловкость, Эфир. Тебе повезло, что ты хоть как-то смог вписаться и адаптироваться быстро. Многие запросто сходили с ума.

Жалко добряков в других телах — по сравнению с этим мои синяки и ссадины выглядели приятным бонусом.

Значит, мне повезло... Не люблю это слово, но другого подобрать не могу.

К тому же, совпадений становилось многовато — именно поэтому хотелось найти хотя бы ещё одно объяснение помимо «судьбы».

— Тогда перефразирую вопрос: если сюда попадали многие, то что у них было общего? Может быть попытки изменить мир, привнести в него хаос, устроить праздник веселья и прочее?

— Изменить мир? — зацепившись за слова она закрыла глаза сдерживаясь от смеха. — Начать бы хотя с себя, а ты говоришь про мир... А, кажется я поняла, ты думаешь, что портал принесший тебя — знаковый или судьбоносный, верно?

Я сощурил глаза, понимая важность моего последующего ответа.

— У нас есть литература, посвященная людям, попадающим в различные миры, - попанданцы, — начал издали, пытаясь подобрать правильные слова. — Боюсь, большинство из, как бы сказать, знакомых мне начинаются с того, что вся твоя избранность заканчивается на том, что ты попадаешь в другой мир. Дальше уже ты сам по себе.

Селестия аж подалась вперёд.

— А если большинство *не*, — она выделили отрицательную частицу, — знакомых тебе?

Что ж, правильный вопрос, подловила. Мне тут нечем крыть, только применить туз — говорить правду.

И ведь, сволочь, нельзя сразу говорить, что ты не избранный — сразу обратное подумает.

— Основу самых популярных представителей этого жанра составляли произведения, где главный герой действительно был избранным: талант, сила, девушки или мужчины в случае с женщинами и так далее.

— И всё-таки, — она подпустила смешок в голос, — мне интересно послушать твоё мнение, почему так?

Ещё более обтекаемо сказать нельзя было? Не собрание высшего сословия дворянства вроде.

— Потому что так всё проще, — я положил голову на скрещенные домиком пальцы. — Будь ты избранным — значит, не зря страдал. Если попал в другой мир — значит, старая жизнь чего-то стоила. Очень удобная мысль.

Я ненадолго замолчал.

— И, наверное, если совсем честно, первая мысль у меня тоже была примерно такой.

Она вопросительно посмотрела на меня. Её лицо выражало саму невозмутимость — прочитать в каком ключе оно думает невозможно.

— И ты туда же? — удивилась она, сузив глаза.

Я усмехнулся.

— Было бы лицемерием сказать наоборот.

Селестия некоторое время молчала, внимательно рассматривая меня.

Чуть позже её лицо смягчилось и она заговорила более располагающим тоном:

— Спасибо, что сказал это честно.

Я строил удивленное лицо.

— Спасибо?

— Большинство на твоём месте попытались бы убедить меня в обратном. Только вот над большинством из них витает невидимая корона, — она показала жест надевания короны.

Селестия сложила руки перед собой.

— Знаешь, — вздохнула она. Так моё терпение проверяет? Или мою реакцию? Потому что я абсолютно без понятия в какое направление уводить разговор, — с чего начинается почти любое тщеславие?

Я многозначительно промолчал, желая услышать чужую точку зрения.

— С желания поверить, что мир изменится после твоего появления...

Говорила она спокойно, без осуждения — как преподаватель, много раз наблюдающий одну и ту же ошибку на экзамене.

— ...потом человеку становится мало самого факта своего, как ты выразился, «попаданчества?» Глаза замыливаются собственным эгом, ему хочется быть особенным. Вскоре — необходимым. В конце всё заканчивается одинаково — персона начинает искренне считать обязанность мира подстраиваться под него.

Звучит красиво, правильно и так далее... Только у меня огромное желание окунуться в ладони, а затем громко пропустить сквозь них воздух.

Что. За. Восьмиклассники. Были. Здесь.

Без комментариев, просто без комментариев...

Не знаешь как поступать, поступай формально — хуже уже не будет. В данном же случае промолчать.

Вскоре она продолжила:

— Ты еще не познакомился с каждым из живущих, а уже предпочитаешь начать строить планы относительно своего пребывания. Это нормально. Однако что, если все решается здесь и сейчас? Если я пойму, что ты довольно хитрый и чересчур самонадеянный? В таком случае

мне стоит побояться за жизнь и здоровье учеников и оградить тебя, пусть ты и гость. В ином же случае — ты сможешь получить здесь возможность учиться, получить жилье и какую никакую путевку в новую жизнь.

Значит, вот к чему она вела: не проверяла, а предупреждала. Причём заранее: если после такого человек продолжит строить мессию — выводы сделаны, разговаривать уже поздно.

Эдакий фильтр, отсеивающий уж совсем невменяемых.

— А теперь ответь на вопросы, Эфир, — сказала она увидев мою задумчивость впере-
мешку с заинтересованностью, — чего ты хочешь на данный момент?

Неужели это игра в угадку и любой мой ответ можно трактовать как угодно. Но времени на размышления немного — излишне затягивать тоже бесполезно, так как сразу поймет ложность моих последующих слов.

В любом случае, невежливо заставляя даму так долго ожидать ответа...

Я открыл было рот, но моментально закрыл.

Странно.

Всего несколько часов назад ответ был бы очевиден — вернуться домой.

— Если честно, то не знаю. Пожалуй, разобраться во всем: оформиться здесь как личность, а дальше как пойдёт.

— Даже домой не хочешь? — поистине удивилась Селестия.

— Хочу, — покачал головой, откидываясь назад. — Только это никак не поможет.

Селестия подняла брови. Лицо из спокойного превратилось в задумчивое:

— А что ты хотел в своем мире? Может, я кажусь чересчур настырной в вопросах чтения по человеку, но и ты пойми меня — мне не впервой общаться с чужаками. И я достаточно знаю случаев, что от хорошей жизни они в портал лезут, понимаешь о чем я?

Да что ж тут непонятного.

— Думаете, я просто сбежал из своего мира? — настала моя очередь удивляться. — Ну... некоторые могли подумать и так.

— Тебя преследовали там по вашим законам? — уточнила она.

О, значит в этом мире понимают, как опасны те, кто даже в своих мирах преследуется по закону. Тогда она должна понимать, что преступники ведут себя более угрожающе, особенно если чувствуют себя загнанными в угол.

— Отталкиваясь от своеобразного опыта, я могу сказать...

Селестия удивилась от такой формулировки.

Правда, странновато звучит вне контекста.

— Не по личному, конечно, — сдал я эту фразу улыбкой, — что сделай Сансет с преступниками то, что сделала со мной, то скорее всего вы бы общались с ними ради освобождения заложников, договаривались об условиях освобождения.

Селестия даже не изменилась в лице. И это читалось, она будто услышала от второклашки заученную истину.

— Был у нас такой случай, — монотонно сказала она. — В Кристальной Академии некто умудрился попасть в тело директора Сомбры и устроил там настоящий суровый полевой лагерь. Аргументировал это тем, что он так следит за дисциплиной, следует, скажем так, личным соображениям. Мы не сразу обнаружили этот... странный ум — за это время множества учеников получили душевные травмы и травмы... иногда рода, между девушкой и парнем... может, ты понимаешь.

— Мне понятно, да.

Интересно. Значит, они действительно сначала разговаривают, а лишь потом стреляют. Терпеливые попались.

Эх, любопытство, занесешь ты меня когда-нибудь!

— Тогда снова вопрос: чего ты хотел в своем мире и почему бежал в портал?

Особо выдумывать и не собирался. Моя история донельзя глупа, но обмануть по всей видимости эту Селестию просто невозможно.

Да и в чём прок её обманывать?

Я некоторое время молчал, собирая по крупинам единую картину.

— Совру, если скажу "не знаю," — усмехнулся, смотря на Селестию. — Формально все было неплохо — хотелось пойти на научную степень, защитив кандидатскую, потом в доктора наук. Муторно, долго, запарно, но хотя бы что-то. Потом... продолжать расти в академических знаниях, наверное? Под причиной можете понимать желание двигаться вперед, стремиться к новым высотам и познавать новое, — директор аж расширила глаза, после чего слегка подозрительно, тем не менее одобрительно кивнула. — Был бы моложе, в ответе были бы спорт, учеба и друзья. К сожалению, первое имеет свойство исчезать, а с последними разошлись жизненные пути — обыкновенная ситуация в нашем мире.

Селестия непонимающе уставилась на меня.

— Звучит вполне осмысленно.

— Вот именно. Осмысленно, ожидаемо. Никаких серьезных изменений.

Она слегка наклонила голову.

— Проясни.

— Представьте человека, который очень долго шёл по дороге. Он знает, куда идёт. Даже знает зачем. Однако однажды замечает, что последние несколько километров идут уже не ноги, а привычка. Он не хочет останавливаться, так как в его смысле остановка равна деградации, медленному распаду, поэтому продолжает движение.

— Так ты значит устал от своей жизни? Тебе казалось, что впереди все известно?

— Не говорил бы такие громкие слова. Скорее смирился. Не поймите меня неправильно, — я поднял ладонь вверх, — моя прошлая жизнь вполне меня устраивала, особенно на фоне некоторых моих знакомых. Хотя бы отсутствие ипотеки как пример.

— И этого оказалось достаточно, чтобы шагнуть в неизвестность?

— Нет, — отрицательно покачал головой, — этого оказалось достаточно, чтобы не найти причины отказаться.

Она с интересом увела глаза в сторону, явно думая о своем.

Немного позже добавил, пока Селестия заканчивала выставлять мой психологический портрет:

— Если бы перед вами открылся портал в другой мир... вы бы правда ушли домой и сделали вид, что его не существует? — ответил вопросом на вопрос.

Селестия не ответила сразу, лишь ход часов напоминал о времени.

Несколько секунд она просто смотрела на меня, словно примеряя вопрос к самой себе.

— Любопытство, значит...

Она медленно поднялась.

— Продать все... и получить неизвестность? — она наконец-то усмехнулась, складывая руки за спиной.

Последние слова заставили ее задуматься, она встала у окна и убрав руки за спину красиво смотрела сквозь стекло.

Ей-богу, так красиво и печально размышлять, нагоняя пафос, я не умею. Точнее, не особо пробовал — обычно любая подобная попытка заканчивается «надо бы хлеб купить», «кран течет».

Интересно, а перед холодильником в три часа ночи она также стоит и мистически смотрит в него, пока ее искрящиеся локоны развеваются по несуществующим потокам ветров?

Стоит, размышляет о вечном, а в конце достает молоко.

Кумыс, как вариант, тоже подходит.

В любом случае, а что я сказал собственно не так?

Наверное, дело было не в словах, а в том, как они прозвучали.

Для меня все выглядело вполне логично: одна работа сменится на другую, та — на должность. Должность за должностью, степень за степенью. В какой-то момент к этому добавится выход на пенсию и спокойная смерть

Проблема заключалась даже не в том, что потом все будет плохо или наоборот хорошо.

Предполагаю, проблема заключалась в том, что я почти безошибочно представлял каким будем мое «впереди».

Если завтра окажется точной копией вчера — станет ли мне от этого хуже?

Нет, потому что я не замечу разницы и продолжу жить как ни в чем не бывало.

Для нее неизвестность — потеря всего.

Для меня — шанс.

Мне нечего терять. А вам?

— Знаешь, — Селестия задумчиво посмотрела в окно, — я не уверена, что до конца тебя поняла.

Директор развернулась и слегка улыбнулась.

— Плохо укладываюсь в опыт общения с чужаками? — произнес скорее в качестве утверждения, чем вопроса.

Довольствовался согласием.

— Даже не знаю, хорошо ли это или плохо

— Время расставит все точки на ты, — пожал я плечами

Мы некоторое время все еще молчали, витая в своих облаках.

— Впервые слышу столь странные поводы, — сказала Селестия, продолжая смотреть в окно на покрытое вечерним светом футбольное поле. — У меня сложилось впечатление, что портал оказался больше поводом для шага, чем его причиной.

Красиво сказано, уважаю. Даже если не совсем точно.

— За последние пару часов я испытал куда больше, чем за последний год, — сухо пошутил я, — так бывает.

— Тогда позволь мне задать вопрос иначе: если обратной дороги домой в ближайшем будущем не предвидится... Чего ты ждешь от этого мира?

— Не думаю, что имею право предъявлять что-то этому миру

— Даже требовать помощь? — излишне довольно спросила директор.

А меня эта формулировка очень заинтересовала, отчего позволил себе растечься в ухмылке.

— Что именно вы имеете в виду под помощью?

— Разумеется расскажу, — она повернулась. — У тебя нет здесь ничего — ты всего лишь парень в черной одежде, даже имя твое ты скорее всего выдумал...

Естественно, как могло быть по-другому? Сам из воздуха появился, так и имя вслед.

— ...что и говорить о твоей опасности. Меня пугает только одно — сколько тебе было лет в твоём мире?

— Двадцать пять.

— Совершеннолетним считаешься давно?

— Семь лет как, — кивнул я. — Смущает разница в возрасте?

— Возраст сам по себе еще ничего не означает, — продолжила она, — но взрослый человек может привести куда больше неприятностей. Большой опыт можно использовать по-разному — не отменяет твою возможность обманывать, хитрить, в общем, использовать разницу в возрасте по максимуму. Я хочу уверить тебя, я этого не приму. Но если такое желание у тебя возникнет, просто приходи и расскажи мне об этом и мы решим вопрос вместе.

Получается, я для нее проблема в квадрате: был бы студентом, то еще ладно, но полноценно взрослый человек... Возводит все в квадрат как минимум.

— Справедливо, — снова кивнул я.

Несмотря на спокойный разговор, напряжение никуда не делось — то подтверждали вспотевшие пальцы.

За внешней вежливостью скрывался вполне конкретный вывод: пока она не убедится, что я безопасен, никакого доверия не будет.

В общем-то... на ее месте я поступил бы так же.

— Моих полномочий, — продолжила она, — хватит, чтобы дать тебе на первое время ресурсы — не в наших традициях чужаков оставлять без ничего.

Пройдя по кабинету, она открыла картотеку. Бросила на стол небольшую папку. Свежую, но с местами, где можно оставить свои данные. Она вернулась на место и, взяв ручку, приставила ее к лицевой стороне папки:

— Значит, Эфир, правильно? Согласен носить такое имя?

— Имя поменять в случае чего можно будет?

— Разумеется. Только если у тебя тут будут друзья, а они непременно появятся, им будет непривычно называть тебя иначе. Так что?

Я ненадолго задумался.

Странно, ещё несколько часов назад это было просто слово, которое пришло в голову. Шутка с одной потерянной буквой.

А теперь его собирались вписать куда-то официально.

— Да.

Она быстро написала его туда.

— Тогда осталось придумать фамилию — просто Эфир нельзя. Как пример вспомни Сансет Шиммер.

И вот возникла неожиданная проблема.

Имя(по совместительству псевдоним) я подобрал легко — оно может быть случайностью, образом, первым пришедшим воспоминанием. Грубо говоря, вложил в него основной смысл.

А фамилия...

«Мерцающий закат...» Фамилия дополняет имя, значит.

Первой мыслью было выбрать что-то связанное с ветром: легкость, движение, свобода.

Но ветер без направления — просто поток воздуха. Приятный или разрушительный не столь важно — сам по себе он никогда не приходит.

А я все-таки сделал выбор.

Глупый? Для кого-то да. Необдуманный? Вряд-ли. Циничный? Возможно.

Но все еще выбор.

Простое напоминание: *раз уж сделал шаг, будь добр довести дело до конца.*

— Ресolv,* — пришлось знатно напирать голову, пытаюсь выбить среди синонимов наиболее точное по смыслу слово на английском.

П/А: Resolve. С английского является синоним к слову решимость - Determination, но немного в другом ключе.

Вторая строка была заполнена, после чего меня несколько секунд оглядывали.

— Судя по виду, тебе восемнадцать или девятнадцать, — не спрашивая записывала она, — рост... пусть будет метр восемьдесят, родители — прочерк, адрес проживания... прочерк. Будешь жить в общежитии, контакты и номер телефона... ага.

Она выдвинула ящик и двинула по столу мобильник. Кивнув мне, она записала номер телефона.

— Возьмешь мой старый, пока не купишь себе что-то еще.

Довольно простенький телефон: классический с кнопками и ЖК-экраном, на котором было изображено две буквы: стилизованно с наклоном — «CU»

Кантерлот Юнивёсити. Все понятно.

— Благодарю, — привычно сказал я.

— На первое время хватит. Далее, все студенты проходят первые два года одну и ту же программу, а выбор факультета происходит позже, когда они примерно смогут понять, где действительно хороши.

Очень даже меткая и крутая штука: вместо того, чтобы вчерашнему школьнику давать возможность решить свою судьбу одним росчерком, дать познакомиться с самостоятельной жизнью и прикинуть примерно «а где он собственно хорош?»

— Отличная находка.

— Я знаю... Потому что это моя идея, — улыбнулась она, продолжая писать. — Итак, комната у тебя будет в мужском общежитии, оно находится в следующем квартале. Сейчас студенты будут возвращаться с пляжа — поймай какого-нибудь парня, он тебе все объяснит.

Проще некуда, привычное занятие.

— У меня будет своя комната? — удивленно спросил я.

— Почти, — подтвердила она, закинув папку на одну из полок. — В комнате кроме тебя будут еще трое, в общежитии есть все для полноценной жизни, а... ну да, женское общежитие мы разместили подальше от мужского, хотя лет десять назад все были в одном корпусе.

Почему-то меня это развеселило, и зачем она сделала на это акцент?

— Были проблемы?

— Они никуда не делись, — отмахнулась она. — Расстояние нашим студентам не проблема вплоть до высокого забора, собак и пятерых охранников. Каждую осень одно и то же — десятки порванных подушек, измазанных краской девушек и в стельку спящих охранников.

Она сделала короткую паузу, смотря на меня:

— Зачем, спрашивается, мы всё это делали, если теперь только больше платим за все эти меры безопасности? Даже мне было в свое время весело все это.

Ах, какая хитрая женщина — самой главное «ам», а другим не «дам». Может просто были и темные страницы истории?

— Понимаю, — не знал я, что ответить.

Сами мы с парнями может пару раз на огонек к девушкам в комнату залетали, фильмы посмотреть, обниматься... может чего и больше — раз на раз не приходилось. Но чтобы такие меры безопасности в виде собак и охранников довели прямо до абсурда.

И как, интересно, огневолая девушка со своим парнем «стыкуется?» Даже думать об этом смешно: как чел прыгает через забор, оббегает собак, дерется с охраной, а у нее потом настроения нет.

— По больше части все. Ах, точно, — она полезла в стол и достала оттуда кожаный кошелек, — тут точно хватит на первое время; моя сестра, а по совместительству зам. директора, в отпуске. Думаю, если она забыла, значит, он ей не очень-то и нужен.

Я кивнул и потянулся за бумажником. По дурацкой привычке хотел залезть и посчитать.

И, конечно, добавить, что «тут не хватает, мисс Селестия».

Но просто крутил в руках, пока она делала последние записи.

— Теперь, когда вопросы основные решены, а я сделала все и даже больше...

— ... за что вас не понятно как благодарить, — признался я.

— Благодарности на первое время будет достаточно... Итак, взамен, — она взглянула на часы, — я хочу узнать о твоём мире больше: ваши порядки, законы, как проходит учебный процесс. Может даже поделишься чем-то личным. И хорошо, если мы уложимся до восьми часов, а-то я итак тут задержалась по твою душу.

С чего бы вообще начать такого относительно задающего темп, но не показывающего ужасов реальности? Глаза просто разбегаются.

— Знаете, я так-то уже учился в университете и, не поверите, оказался я там примерно так же, как здесь — чисто из любопытства... — хищный оскал появился сам по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.